

Виктор Пелевин

Искусство легких касаний

ФТМ

Единственный и неповторимый. Виктор Пелевин

Виктор Пелевин

Искусство легких касаний

«ФТМ»

2019

Пелевин В. О.

Искусство легких касаний / В. О. Пелевин — «ФТМ»,
2019 — (Единственный и неповторимый. Виктор Пелевин)

ISBN 978-5-44-673601-0

В чем связь между монстрами с крыши Нотр-Дама, самобытным мистическим путем России и трансгендерными уборными Северной Америки? Мы всего в шаге от решения этой мучительной загадки! Детективное расследование известного российского историка и плейбоя К.П. Голгофского посвящено химерам и гаргойлям – не просто украшениям готических соборов, а феноменам совершенно особого рода. Их использовали тайные общества древности. А что, если эстафету подхватили спецслужбы? Что, если античные боги живут не только в сериалах с нашего домашнего торрента? Можно ли встретить их в реальном мире? Нужны ли нам их услуги, а им – наши? И наконец, самый насущный вопрос современности: «Столыпин, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа...» В книге ответ есть, и довольно подробный. Древние мистические практики, отсылки к мифологии, странные судьбы и неповторимая манера культового автора собирать воедино несовместимые фрагменты мозаики так, чтобы даже искушенная публика ахнула от восторга, увидев картину целиком. Пелевин раз за разом удивляет аудиторию, поражая её в самое сердце неожиданными аллюзиями, точными и яркими формулировками, своеобразным, то изящным, то грубоватым, юмором и обязательным желанием вновь обращаться к творчеству писателя: невозможно с первого раза постичь все смыслы, заложенные в многогранный сюжет. И забыть послевкусие нельзя.

ISBN 978-5-44-673601-0

© Пелевин В. О., 2019

© ФТМ, 2019

Содержание

Часть первая	8
Иакинф	9
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виктор Пелевин
Искусство легких касаний
Единственный и
неповторимый. Виктор Пелевин

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

ИСКУССТВО ЛЕГКИХ КАСАНИЙ

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Эта книга напечатана мультикультурным хором внутренних голосов различных политических взглядов, верований, ориентаций, гендеров и идентичностей, переть против которых, по внутреннему ощущению автора, выйдет себе дороже.

Часть первая
Сатурн почти не виден

Иакинф

J'ai demandé à la lune si tu voulais encore de moi¹.
Indochine

---

¹ Я спросил луну, чем еще я могу быть ей полезен.

Тимофей был самым социально продвинутым из четверых – подвизался на телевидении говорящей (или просто презрительно шурящейся в камеру) головой: хмурился на центральных утюгах, с доброй надеждой выглядывал из утюжков, которым мы еще верим, шалил на интернет-утюжатах.

Он не был, что называется, фронтменом или энкором. Но хоть его телевизионная функция была ролью второго или даже третьего плана, она часто делала всю игру. Во время жарких дебатов о том, по какому пути пойдет дальше гражданское общество (и пустит ли его туда общество в погонах), Тимофей глядел сквозь экран глазами с красивой поволокой – и бросал иногда в микрофон несколько железных слов, облитых горечью и злостью: эдакий Лермонтов двадцать первого века, переключившийся на общую прокачку стиля.

Стиль у него, несомненно, был: элегантность Тимофея доходила до того, что его принимали за гея (он, конечно, не обижался, но всегда разяснял, что это ошибка). Четкой и яркой телеиндивидуальности у него пока не выработалось – рядом с ним всегда отсвечивало еще несколько таких же Тимофеев, с которыми его путали. Скорее всего, его исход из эфира прошел бы незамеченным. Но все еще было впереди, впереди...

Андрон был банковским брокером.

Друзья слышали от него только само это слово – про тайны своей работы Андрон рассказывал еще меньше, чем Тимофей.

На вопрос «Как там дела?» он обычно отвечал жестом: делал круглые глаза и дергал головой назад, как бы указывая затылком на что-то огромное, быстро и опасно вращающееся прямо у него за спиной, о чем лучше не говорить вообще, потому что оно может навестись на звук, подкатиться и мигом разорвать в клочья. Ясно было одно – Андрон работает в области высоких энергий и мгновенной ответственности за базар.

Спускаясь в мир из своего, как он выражался, «фильма ужасов», он снимал галстук и преображался в московскую версию большого Лебовского: мягкого и как бы неуклюжего добряка – хайратого, накуренного и небритого. Он сознательно поддерживал это сходство и с удовольствием откликался на обращение «dude». Но за плюшевым хипстерским фасадом скрывалась негибкая воля: каждое утро в семь ноль-ноль он укладывал свой длинный хайр в воинский пони-тэйл и шел на жизнь, на бой, на рынок.

Иногда он делился с друзьями эзотерическим биржевым юмором: например, показывал им выложенный Илоном Маском в твиттере черно-белый клип с песенкой шестидесятых годов про «Short shorts». Для друзей это были просто «короткие шорты» – и Андрон, раздражаясь на чужую тупость, начинал объяснять, что Маск изящно рефлексировал по поводу игры на понижение: ее вели против него американские инвесторы-пираньи, а он в ответ поставил их на целый *ярд грин* одним-единственным твитом про саудовский выкуп акций, и эта шутка стала с тех пор трейдерским мемом. Правда, Андрон уснащал свой рассказ таким количеством биржевого сленга, что понять его полностью мог только другой брокер.

Третий из друзей, Иван, был замерщиком из фирмы «Балконный материк».

Такой социальный люфт совершенно не мешал походно-спортивному товариществу – наоборот, делал его крепче. Иван был накачанным, коротко стриженным и симпатичным блондином невысокого роста – «до Крыма мог бы играть эфэсбэшников в Голливуде», как исчерпывающе выразился Тимофей.

Иван про свою работу рассказывал подробно и не стеснялся – но его сага была коротка.

– Сначала прихожу я. Вежливый. Ласковый. Предупредительный, пахнущий одеколоном и аккуратно одетый. Снимаю размеры, улыбаюсь и беру деньги вперед. Это самое важное. Когда спрашивают, почему все деньги вперед, я отвечаю, что раньше нам делали заказы, а потом не оплачивали. И мы с тех пор работаем только по предоплате... Люди обычно платят, и зря. Потому что через неделю к ним приходят сборщики. Суровые сильные мужчины, которые говорят «пена» вместо «пена» и пахнут рабочим потом. Они кое-как присобачивают рамы

к балкону на этой самой «пенё» и уходят, оставив после себя швы, дыры и криво торчащие из бетона болты. Заказчик в ужасе, но ему объясняют, что скоро придет отделочник – и все приведет в порядок. А еще через три-четыре дня, когда клиент уже начал привыкать к болтам и дырам, приходит отделочник. Уже откровенно уголовный элемент, который начинает клеить на швы и дыры какие-то пластмассовые полоски, сидящие так криво и страшно, что люди думают: «Э, да он просто придушивается, а сам хочет дожидаться вечера и всех нас убить...» И когда отделочник наконец уходит, они облегченно вздыхают, сдирают эти пластмассовые заплатки и улыбаются, видя перед собой привычные дыры, щели и болты... «Материк» в нашем названии – это не континент, а мат. Замаскированный «матерок», так сказать. Но никто сначала не догадывается. Вот этим и живем...

Свой домашний балкон Иван принципиально не стеклил.

Четвертый из походного товарищества, маленький чернявый Валентин, был социологом-евромарксистом и, как он всегда добавлял, социальным философом. Он попеременно носил майки с портретом Алена Бадью и эмблемой евро, а свою профессиональную сущность проявлял главным образом через комментарии к чужим рассказам. Сагу Ивана, например, он разъяснил Тимофею с Андроном так:

– Мы вчетвером – модель России. Новой России. Вот смотрите – один человек, условно говоря, работает. В том смысле, который вкладывали в это слово раньше. Этот человек – Иван. Я говорю «условно», потому что не работает на самом деле даже он, но он хоть как-то связан с людьми, которые работают. Он для этих монтажников и отделочников заказы собирает – и, возможно, даже кого-то из них видел. При этом он не особо их жалуется. И за дело, кстати – работают они херово. Россия – страна низкой культуры производства, потому что в ней в свое время растлили рабочий класс. Рабочих на самом деле не освободили, а поработили еще глубже, но при этом отвязали их физическое выживание от результатов труда. Они у нас до сих пор в этом смысле отвязанные, поэтому ракеты падают и все такое. И конкурировать с остальным миром мы не можем. Но работяги – пусть плохо, пусть коряво – но что-то делают. А мы? Один ежедневно создает перед камерой невероятное напряжение мысли вокруг того, куда все двинется дальше – хотя оно никогда никуда не двинется, а останется на том же самом месте и в том же самом качестве. Другой торгует шортами, которых ни один из упомянутых монтажников и отделочников не то что не натянет на жопу, а даже и в гриппозном сне не увидит. Причем торгует в таких объемах и на такие суммы, что трудящимся этого лучше не знать во избежание социального катаклизма...

– А четвертый? – спросил Тимофей.

– Четвертый осмысляет опыт первых трех, – ответил Валентин с ухмылкой, – и с этого живет. Но кормит всех тот самый полуосвобожденный пролетарий, которого никак не могут нормально закрепить назад. Из всех нас его пару раз видел Иван. Пролетарий и балконы стеклит, и нефть качает, и электричество для биржи вырабатывает, и так далее... Приносит нам твердые западные деньги – квинтэссенцию мирового труда. Остальная экономика, если не брать военно-промышленный комплекс – это экономика пиздежа. Причем это слово имеет сразу три смысла – рукоприкладный, воровской и близкий к нему гуманитарный...

– Если бы ты понимал в мировой экономике побольше, – сказал ему Андрон, – ты бы так не говорил. Твердые западные деньги, чтобы ты знал, это не квинтэссенция мирового труда, а регулируемый вакуум, который отжимает все у всех и тянет куда надо. Со всего мира. Но говорить про это в мейнстриме нельзя. У нас тут экономика пиздежа, а у них... Не знаю, таких комплексных деривативов в русском мате просто нет. Мы рядом с этими ребятами невинные лохи...

Тимофей подозрительно нахмурился, чувствуя поношение святынь, открыл было рот, но вовремя вспомнил, что он не на службе.

В общем, трудно представить четырех людей, у которых нашлось бы меньше общего, если не считать молодости – пожалуй, даже еще юности. Но одна совместная страсть у них все же была.

Трекинг.

Они познакомились в Непале на Латанге – в разряженном горном воздухе русские люди сходятся друг с другом легко и быстро. Потом, уже вместе, ездили на тропу Голицина, Софийские озера в Архызе, к Белухе на Алтай и еще на несколько маршрутов попроще. Мечтали, попав следующий раз в Непал, сходить к базовому лагерю под Эверестом – «возложить цветы», как шутил Иван.

Поездку в Кабарду даже нельзя было назвать трекингом в высоком спортивном смысле. Это был откровенный расслабон и любование видами – «бухинг», как выразился Валентин. Заранее не наметили даже точного маршрута, решив все определить на месте.

В поезде до Нальчика изрядно выпили – и остановились на день в городе, чтобы прийти в себя (а если совсем честно, чтобы продолжить). В результате до базы «Долина Нарзанов-2» добрались вечером следующего дня, уже почти в темноте, и протрезвели полностью только в горах.

Водитель схлестнул – высадил у крутой тропы, спускающейся от дороги, и сказал, что турбаза внизу. Но там оказался просто частный дом с реально злыми собаками, терпение которых не хотелось испытывать. Все же удалось поговорить с какой-то старушкой – выяснилось, что поворот на турбазу проскочили и теперь надо вернуться на дорогу и спуститься по ней почти на километр вниз.

Друзья не роптали. Любой вечер в горах прекрасен, а на грунтовке было к тому же тихо – машины уже не ходили. Если б не рюкзаки, был бы вообще рай.

К турбазе шли молча – здесь совсем по-другому дышалось и думалось. Как обычно, каждый давал себе слово переехать когда-нибудь жить в горы, покончив с липкой городской сажой навсегда – а для этого, зажмурившись покрепче, по возвращении в Москву вонзиться в сажу так глубоко и безжалостно, так эффективно и метко, что после этого последнего окончательного погружения... и т. д., и т. п.

Мысль была обычной для гор и одинаковой для всех четверых, словно их в очередной раз накрыло одним и тем же ватным одеялом. Но социальный философ Валентин прицепил к паровозу общей мыслеформы свой уникальный вагончик:

«Культивируя подобные намерения, – медленно и веско думал он, – мы вовсе не решаем выбраться из дерьма и переехать в горы. Мы на самом деле решаем нырнуть еще глубже в дерьмо, но не просто так, а во имя гор – и в этом именно сущность человеческого взаимодействия со всем высоким и прекрасным... Мало того, если разобраться, именно для поощрения особо глубоких и перманентных погружений в дерьмо социум и культивирует всяческую красоту, эксклюзив и изыск наподобие пятизвездочных курортов на десять дней в году... Но это, кажется, уже какой-то социологический фрейдизм...»

Выражение «социологический фрейдизм» стоило того, чтобы его записать, и Валентин уже потянулся за телефоном, но с мысли сбил хриплый стон, прилетевший сверху.

Потом донесся еще один, и еще – и сделалось наконец ясно, что кто-то громко и немужичьяльно поет. Песня приближалась, и вскоре стали различимы слова:

– Э сютю некзисте па! Димва пурква жекзисте ре!

Тимофей, знавший немного по-французски, засмеялся.

– Что он поет? – спросил Иван.

– Если бы ты не существовал, – ответил Тимофей, – скажи, зачем тогда быть мне?

– «Ты» – это кто? Бог, что ли? – спросил Андрон.

Тимофей пожал плечами.

– Ну и че он, экзисте? – не успокаивался Андрон.

– Кто?

– Про кого поют.

– Не знаю, – ответил Тимофей. – Джо Дассен, который эту песню пел, все обдумал и умер. Так что, наверное, не экзисте.

– Культурный уровень населения неудержимо растет, – сказал Валентин. – Это ведь не на Елисейских полях происходит. В горах на Кавказе. Ночью...

Дорога сзади серпантином уходила вверх – когда невидимого певца скрыл край горы, песня стихла, но скоро раздалась опять, уже ближе, и на кустах появилось пятно света. Кто-то спускался на велосипеде с гор.

– Фига себе. На велике. Откуда он едет-то? Там дальше ни одного населенного пункта на сорок километров. Или на все восемьдесят. Только чабаны.

– Может, просто кататься ездил. Возвращается...

Фара уже слепила глаза, и друзья расступились, чтобы дать велосипедисту проехать.

Сперва тот был скрыт яркой иглой света, бившей с его руля – а потом фара проплыла мимо и ночной ездук стал виден: это был мужчина с длинными седыми волосами и бородой, в черном спортивном костюме со светоотражающими наклейками.

«Какой-то гэндальф», – подумал Валентин.

На руле велосипеда горела не просто фара, а мощный электрический фонарь. Валентин успел заметить в ушах велосипедиста наушники, и стало ясно, отчего тот так фальшивит. Он от всей души подпевал своему музлу – дурным голосом, как всегда выходит у людей, лишенных музыкального слуха.

– Какой интересный тип, – сказал Тимофей, когда велосипедист унесся в ночь. – Не похож на местного джигита.

– Может, теперь джигиты такие, – ответил Иван. – Куда он едет?

– На нашу базу и едет. Куда еще?

И точно: исчезнув за кустами, свет фары через минуту появился ниже – и осветил открытые ворота, плакаты у дороги и домики. Велосипед повернул в ворота, проехал между домиками, и фара погасла.

– Она, – кивнул Тимофей. – Как на фотках.

– Это Господь нам ангела послал, – сказал Иван. – Дорогу показать.

– На ангела он чего-то не очень, – ответил Андрон. – Был бы я один, обосрался бы.

– Узнаем завтра, кто это такой.

***

Ночь пришлось провести в единственном открытом коттедже типа «гарден вью»: администрация ушла спать. Возможно, в тот самый дом с собаками, у которого водитель ссадил друзей.

Коттедж был просто дощатой хижинкой, но в нем, к счастью, оказалось три кровати. Никто даже не стал распаковываться. Иван спал на рюкзаках.

В девять утра на ресепшене зародилась жизнь.

– У нас заказано два полулюкса, – объяснил хмурой смуглой женщине Тимофей. – И еще нам нужен проводник для трекинга. Дней на пять.

– Полулюксы моют, – ответила женщина, – заселение в два. А насчет проводника не знаю. Трекинг в стоимость не входит.

– У вас на сайте написано, что услуга предоставляется по договоренности. Вот мы как раз и хотим договориться.

– Побеседуйте тогда сами. Или с Мусой, или с Акинфием Ивановичем. Не знаю, сколько они возьмут.

– А где они?

Женщина раскрыла разлинованную тетрадь и погрузилась в изучение каких-то зеленых каракулей.

– Мусы следующие три дня не будет. Акинфий Иванович здесь. Вон его велосипед...

Глаза Тимофея блеснули.

– Это его мы вчера на дороге видели? Едет в темноте и поет.

Женщина улыбнулась.

– Его. Он катается по горам. Велосипед свой увозит вверх на машине, а потом, когда туристов нет, спускается вниз с песнями. Чтобы не слишком педали крутить. Поет так, что собаки в ответ воют. Такая у него личная оздоровительная программа.

– Он местный? – спросил Иван.

Улыбка исчезла с лица женщины.

– Вот вы его сами спросите, раз договариваться будете. Он вам скажет, откуда и чего. А я не знаю. Я вам лучше талоны дам на завтрак, пока не забыла. Еще успеете.

– Где этот Акинфий Иванович?

– Завтракает. Идите кушать, в ресторане его и найдете.

В ресторане ночного певца не было. Друзья устроились на террасе и принялись молча есть – голодные были все.

Завтрак оказался приличным: свежие фрукты, мюсли, местный кислый сыр, яйца с беконом. Вот только в хлебе было что-то тревожное – его мелкие серые ломти наводили на мысли об армии и тюрьме.

«Впрочем, – думал Валентин, – это вопрос восприятия. Западному человеку, наоборот, показалось бы, что это продвинутая органика с отрубями. А у нас ранние детские впечатления приводят к тому, что...»

– Вы трекингом интересовались?

От неожиданности Валентин выронил ложку.

Вчерашний незнакомец стоял возле террасы и внимательно смотрел на гостей. Днем он выглядел так же странно, как ночью – седые длинные волосы и борода, и при этом молодое лицо с блестящими темными глазами. Из-за такого сочетания трудно было определить его возраст даже примерно: от сорока до шестидесяти. На нем был вчерашний спортивный костюм со светоотражающими вставками и вьетнамки на босу ногу.

– Мы интересовались, – ответил Тимофей. – А вы Акинфий Иванович?

Незнакомец кивнул.

– Садитесь к нам.

– Я уже поел. Подходите в мой офис, как закончите.

И Акинфий Иванович показал на небольшой сарайчик, стоявший за кухней в стороне от жилых корпусов.

– Офис, – повторил Андрон, когда Акинфий Иванович отошел. – *Офис*.

Друзья тихо засмеялись.

– За офис будет надбавка процентов в пятьдесят, – сказал Иван. – Мы эту бизнес-модель знаем и используем.

– Посмотрим, – ответил Тимофей.

Внутри сарайчик действительно оказался оборудован под мелкий офис: стол с монитором и древний факс, который, кажется, был подключен к компьютеру вместо принтера.

Акинфий Иванович сидел за столом и заполнял какую-то разлинованную таблицу вроде той, что была у женщины на ресепшене. Он поднял руку, прося дать ему еще секунду, и друзья принялись осматривать помещение.

На стене висела огромная карта местности с проведенными синей ручкой маршрутами и красными флажками. Рядом помещался стандартный портрет Путина в пилотке за военно-

морским штурвалом и большая фотография: Акинфий Иванович с группой счастливых туристов на зеленом горном склоне.

На другой стене экспозиция была несколько необычнее. Там висел лакированный череп с ребристыми мощными рогами, а по бокам – почему-то две маски сварщика с короткими ручьятами. Словно бы Акинфий Иванович охотился в горах на сварщиков, изредка переключаясь на другую живность.

– Это местный козел? – спросил Тимофей, показывая на череп.

– Дагестанский тур, – ответил Акинфий Иванович, не отрываясь от своей таблицы.

– Интересно, – сказал Андрон. – Я, когда маршрут подбирал, читал про тура сказку в интернете. Карачаевскую народную.

– Сказки любите?

– Нет, просто делал поиск по словам «Кавказ» и «тур». В смысле, «маршрут, поход». А гугл выдал животное. Сказка, конечно, совершенно индейская по своей бесхитростности.

– О чем же она? – вежливо поинтересовался Акинфий Иванович.

– Почему у Эльбруса раздвоенная вершина.

Услышав эти слова, Акинфий Иванович будто проснулся. Он положил ручку на стол, поднял глаза и оглядел Андрона с ног до головы.

– И почему?

Он произнес это презрительным тоном, словно Андрон сказал что-то невероятно наглое, даже возмутительное.

Андрон немного смутился.

– Ну, там что-то такое... Что жил у этой горы старый тур с козлятами, и один раз на тура покатился с вершины какой-то белый шар. Тур ударил его рогами и разбил пополам. Одна половина взлетела на небо и стала луной, а другая отскочила и ударилась о вершину Эльбруса. Раздался, мол, звук, как от лопнувшего мяча, и гора раздвоилась. С тех пор такая и стоит.

– Нормально, – сказал Тимофей.

– А куда вторая половина делась? – спросил Иван.

– Мне тоже интересно было, – ответил Андрон. – Но карачаевский эпос об этом умалчивает. Самое главное, из него следует, что туры жили на нашей планете до образования Луны. И футбольные мячи в это время тоже были. Аж захотелось поехать в это Карачаево и поселиться, честное слово. Бесхитростный и добрый, должно быть, там народ.

Акинфий Иванович, только что казавшийся очень напряженным и даже оскорбленным, вдруг широко улыбнулся.

– Не слышал такой сказки, – сказал он. – А раздвоенных гор тут много. Почти все. Вы на сколько дней пойти хотите?

– Дней на пять, – ответил Тимофей.

– А какой тяжести маршрут? Опыт у вас есть?

– Мы в Непале обычно ходим, – ответил Иван. – Сюда отдохнуть приехали.

– Хорошо. Вы как отдохнуть хотите, посложнее или полегче?

– Посложнее? – спросил Валентин, глядя на друзей.

– Носильщиков тут нету, сразу предупреждаю, – сказал Акинфий Иванович. – Вещички на себе.

– Ну тогда полегче. Чтобы не напрягаться. Так, воздухом подышать, по сторонам поглядеть.

– Хорошо, – сказал Акинфий Иванович.

Он поднял со стола запечатанный в пластик лист бумаги и протянул Тимофею.

– Вот варианты с расценками. Карточек не принимаем, только наличные.

Тимофей проглядел список.

– Вот это что такое – «фирменный маршрут «Иакинф»?

– Да просто по горам. Я тут давно обитаю, подобрал, чтобы не слишком напряжно было и всю красоту увидели. Если с рюкзаками и чтобы без напряжения, самое то.

– Почему он самый дорогой?

– Записываются охотней, – улыбнулся Акинфий Иванович. – Проверено.

– А что такое «Иакинф»?

– Это мое имя. Раньше оно так писалось в русском языке. Очень древнее греческое имя. Тимофей повернулся к друзьям.

– Ну че, пойдем тропой Иакинфа?

Возражений ни у кого не было.

– Выйдем сегодня? – спросил Тимофей.

– Завтра рано утром, – сказал Акинфий Иванович. – Сегодня отдыхайте, вам акклиматизироваться надо. А я пока в горы съезжу, заложу дровишки для костра и еще кой-чего... И с чабанами пообщаюсь насчет кошей.

– Это зачем? – спросил Андрон.

– Ну, ночевать... Вы, кстати, водки с собой возьмите по бутылке хотя бы. Или по две. Купить можно в нашем ресторане.

– Будем бухать? – ухмыльнулся Иван.

– Нет. Оставим чабанам за гостеприимство.

Полулюксы отличались от вчерашнего коттеджа люстрами из фальшивого хрусталя и душевыми кабинками с китайской сантехникой. В комнатах было душновато, но никто не роптал. Всем вдруг захотелось спать.

Акинфий Иванович был прав – день на акклиматизацию определенно требовался. И еще прилично времени ушло на формирование походного минимума: две палатки, рюкзаки. Сменка, еда, вода.

– Вода на маршруте будет, – сказал Тимофей. – Акинфий обещал. Так что брать на день. Нет, он точно странный мужик. И не местный явно. Не кавказец вообще. Таинственный незнакомец...

– Беглый нацистский преступник, – предположил Андрон. – Служил в дивизии СС «Шарлемань», а теперь здесь ошивается.

– Если так, хорошо сохранился, – сказал Иван.

– Надо его расковырять, – продолжал Тимофей. – Чувствую, интересная у него история. Шарлемань не шарлемань, а какой-нибудь Максим Горький взял бы такого мужика в серьезный оборот. Создал бы сочный образ, чтобы люди вдохновлялись революцию делать, а потом хорошо его продал мировой буржуазии... Надо ковырнуть.

– Времени хватит, – ответил Андрон. – Пять дней.

***

В семь утра Акинфий Иванович уже ждал друзей у выхода с базы – возле «уазика», на котором вчера возил что-то в горы. Шофер, небритый парень из местных, даже не посмотрел на приезжих. Он картинно, словно голливудский ковбой, жевал стебелек травы и глядел вдаль. Валентину показалось, что шофер немного похож на Тимофея в его сардоническом телеобразе – вот только лишней телекамеры для бедняги у Вселенной не нашлось.

– Поднимемся до плато, – сказал Акинфий Иванович, – чтобы в гору долго не переть. А там почти по одному уровню пойдем.

Через пару часов машина затормозила у огромного сиреневого камня на краю дороги. Ковбой, так и не сказавший за всю дорогу ни слова, сразу же после высадки развернулся и поехал назад. Еще с минуту долетало урчание мотора, а потом на мир опустилась первозданная тишина.

– Миллион лет до нашей эры, – сказал Иван, оглядываясь по сторонам. – Вот так же точно здесь было.

Акинфий Иванович кивнул.

– Не представляете, как здесь все сохраняется. В одном месте на скале есть надпись с ятями. О том, что в тысяча восемьсот сорок седьмом, кажется, году тут стоял гусарский полк... Вид у нее такой, будто вчера вырезали.

– Мы эту надпись увидим?

– К ней крюк километров пятнадцать, – ответил Акинфий Иванович. – Но если хотите...

– Не хотим, – сказал Тимофей. – Уже мысленно увидели.

Первый день прошел практически на плоскогорье – дорожка петляла по краю огромного горного пастбища. Вдали темнели неправдоподобно огромные силуэты быков, похожие на квадратные коричневые паруса. Белые вершины гор оставались так же далеко – но справа от тропинки стали понемногу подниматься лиловые кремнистые скалы. На них можно было смотреть часами. Говорили мало – просто не тянуло. Голова не хотела думать словами.

Когда стало темнеть, друзья озаботились ночлегом – где-то надо было разбить палатки. Но Акинфий Иванович молча шел вперед, подсвечивая дорогу мощным фонарем. Тропинка между тем накренилась вниз, рядом с ней появился длинный крутой обрыв, и шагать в темноте над пропастью надоело быстро.

– Может, пора тормознуть? – спросил наконец Тимофей.

– Еще две минуты. Тут будет кош.

Через пару минут, действительно, тропинка вывела к темной хижине.

– Здесь и заночуем, – сказал Акинфий Иванович.

Зайдя в хижину, он зажег керосиновую лампу на столе и погасил свой фонарь.

В хижине пахло керосином, сыростью и недавней смертью. Она была пуста – но здесь явно водились люди. На столе стояла двухконфорочная газовая плитка с пустой кастрюлей.

– Тут кефир, что ли? – спросил Иван, открыв один из стоящих у стены бидонов.

– Айран, – ответил Акинфий Иванович. – Можно пить. В другом бидоне вода.

– Ага, – сказал из другого угла Андрон, – я понял наконец, откуда этот запах...

Он показал на крюк с висющим на нем куском бычьей туши – ребра с ключьями мяса. Мясо было не то чтобы совсем свежее, но вполне еще годное.

– Можно было бы поджарить, – сказал Акинфий Иванович. – Но мангала нет. И дров тоже. Дрова дальше будут. Суп можно сварить.

– Обойдемся, – ответил Андрон за всех. – Кто здесь живет?

– Никто. Чабаны иногда ночуют.

– Удобно, – сказал Тимофей. – А они не обидятся, что мы в их будку залезли?

– Не обидятся. Во-первых, они в курсе. Во-вторых, мы им денег оставим и водки. Водку взяли?

– Взяли, – ответил Иван. – Кстати, и самим бы сейчас не помешало. А то подмерзли.

– У меня вискарь есть, – сказал Тимофей. – Как раз самое время принять. В качестве лекарства. Акинфий Иванович, будете?

– Ну давайте, – охотно согласился Акинфий Иванович.

В кошаре нашлись два граненых стакана. Распаковывать свои не хотелось, и пить пришлось по очереди. Тимофей предложил прикончить бутылку – чтобы меньше на себе тащить. Помочь готовы были все. Тимофей наливал Акинфию Ивановичу побольше, чем другим, и Валентин подумал, что это не просто так: после выпивки наверняка начнутся расспросы.

Так и оказалось. Когда все разлеглись на своих спальниках – лезть внутрь пока не хотелось – Тимофей спросил:

– Акинфий Иванович, а вы по-французски понимаете?

– Плохо, – ответил Акинфий Иванович.

– Мы слышали, как вы на шоссе поете, – сказал Андрон. – Так необычно. Кавказ, глушь – и человек по-французски поет.

– Я французскую попсу люблю, – улыбнулся Акинфий Иванович. – Очень песни у них красивые. Вот и подпеваешь иной раз. Но языком не владею, учил английский. Его нормально знаю.

– А где вы английский учили?

– В школе, – ответил Акинфий Иванович. – Я спецшколу кончал.

– В Нальчике?

– В Москве.

– Так вы тоже из Москвы? – изумился Тимофей. – А где там жили?

– На Арбате. Староконюшенный переулок знаете?

– Ага. А когда сюда переехали?

– В начале века, – ответил Акинфий Иванович. – Но планы строил значительно раньше. Просто тогда боязно было.

– Понятно. А почему решили? Природа, воздух?

– И это тоже, – кивнул Акинфий Иванович. – Много всяких обстоятельств сложилось.

– Расскажите, – попросил Тимофей.

– Да за вечер не успеем, – сказал Акинфий Иванович. – История долгая и странная. Еще подумаете обо мне что-то не то.

– Расскажите-расскажите, – повторил Тимофей. – Я вот сразу, как вас увидел, понял, что вы человек с биографией. Фольклорный, так сказать, субъект. Или объект. Такие даже нашему брату журналисту не часто встречаются.

– А зачем вам моя история? – благодушно спросил Акинфий Иванович.

Видно было, что выпитый им вискарь уже включился в беседу.

– Истории для того и существуют, – ответил Тимофей, уже всерьез ощутивший себя журналистом, – чтобы их рассказывать. Иначе это несправедливо.

– По отношению к кому?

– К историям.

– А... Ну да, можно так вопрос поставить. Ладно. Только я рассказчик плохой. Не лектор. Просто Ганнибал, хе-хе. Так что вы вопросы мне задавайте лучше. Если смогу, отвечу.

Акинфий Иванович допил остаток вискаря в своем стакане.

– Когда вы сюда первый раз приехали?

– В девяностые, – ответил Акинфий Иванович. – Время было лихое и голодное, вы не помните – пешком под стол ходили, а кто-то, может, и вообще фигурировал только в проекте. А вот родители ваши небось хорошо все помнят. Жизнь была опасная, часто жуткая. Но счастливая и бесшабашная, как в детстве...

Он легонько зевнул.

– А почему вы думаете, что в детстве жизнь счастливая? – спросил Валентин.

– Потому что в детстве не знаешь, куда тебя кривая вывезет. Можешь стать героем-летчиком, можешь – серийным убийцей. Можешь – миллионером, реально. Можно уйти в будущее по любой тропинке. А когда перед человеком открыты все дороги, он счастливый и веселый от одного сознания – даже если никуда по ним не пойдет. Все шлагбаумы подняты, из окна видна даль и все такое. Когда вырастеем, шлагбаумы один за другим опускаются, и путей впереди остается все меньше и меньше.

– Да, – согласился Валентин. – Взросление – это утрата возможностей. Только дело не в том, что шлагбаумы закрываются. Они, может, и не закрываются. Просто в жизни каждый день надо делать выбор, находить себе путь. А если прошел под один шлагбаум, уже не сможешь под другой.

– О чем я и говорю. Дорожки ветвятся, ветвятся, а потом из всех мировых маршрутов остается только тропинка на работу, и ты уже полностью взрослый.

– Да вы поэт, – сказал Андрон. – Хорошо сформулировали.

– Но так бывает не всегда, – продолжал Акинфий Иванович. – Вот как раз в девяностые годы старые дороги, по которым каждый человек брел в свой советский тупик, вдруг закрылись. Но зато открылись новые. Так что мы все – молодые и старые – как бы снова стали детьми, хотя время было очень недетское. Пришлось начинать сначала. И мне тоже.

– А кем вы тогда работали?

– Молодым врачом в поликлинике. Я быстро понял, что надо что-то менять... Перепрыгивать, так сказать, на новую тропу.

– Кем же вы стали?

– Экстрасенсом, – засмеялся Акинфий Иванович.

– А что это такое? – спросил Иван. – Это типа предметы двигать на расстоянии?

– Тебе сколько лет?

– Двадцать один.

– Видишь, ты уже и слова такого не знаешь. А тогда его знали все. Страна сидела у телевизоров. Они еще были старые, советские – большие деревянные коробки, часто с черно-белой картинкой. А на экране мерцал такой загадочный мистический мужчина. Телегипнотизер. Давал установку или заряжал воду...

– Как заряжал? – спросил Иван.

– Ну вот прямо так и заряжал. Говорил, поставьте бутылку с водой возле телевизора, и будет вам от нее счастье.

– И что, люди верили?

– И тогда верили, – вздохнул Акинфий Иванович, – и сейчас верят. Только сегодня мозги вправляют по-другому, через тренинги, всякие коучинги, семинары и особенно это, книги про путь к успеху. И поэтому люди думают, что раньше все были глупые, а теперь они умные. И типа к успеху идут. А им просто так воду заряжают.

На лице Тимофея появилась ухмылка.

– Кто заряжает? – спросил он.

– Гипнотизеры по продажам, кто, – ответил Акинфий Иванович. – Только они в интернет перелезли.

– А телегипнотизеры и экстрасенсы – это одно и то же? – спросил Иван.

Акинфий Иванович поглядел на него и улыбнулся.

– Какой же ты еще молодой, – сказал он. – Для простоты можно считать, что да. Но есть нюансы. Телегипнотизер – это экстрасенс национального масштаба. Если посадить перед камерой экстрасенса, получим телегипнотизера. Так понятно?

– Понятно.

– Но я таким, конечно, не был, – продолжал Акинфий Иванович. – О телевидении я даже не мечтал – тут связи нужны, таланты... А у меня данные для этого бизнеса были довольно средние – вот разве медицинское образование пригодились, чтобы грамотно лапшу фасовать. И все.

– А какие данные нужны экстрасенсу? – спросил Иван.

– Надо ауру видеть, – ответил Валентин.

– Биополе чувствовать, – добавил Тимофей.

– Надо, чтобы чакры были открыты, – немного подумав, сказал Андрон.

– Я гляжу, вы и без меня в теме, – засмеялся Акинфий Иванович. – Но это все не главное. Главное – уверенность в себе. И такой... как бы сказать... перевернутый масштаб восприятия. Как у актеров, политиков и всяких шоуменов.

– Это что такое?

– Ну, – наморщился Акинфий Иванович, – надо, чтобы человек смотрел на мир как в перевернутый бинокль. Вокруг бегают мелкие пигмеи, а он типа титан. Если человек действительно так себя чувствует, его и другие начинают таким ощущать.

– А притвориться можно?

– Нет, – ответил Акинфий Иванович. – Притвориться титаном нельзя. В свое величие надо свято верить, а у меня именно с этим и была главная проблема. Все эти манипуляции с биополем я, конечно, освоил. Как воду заряжать и порчу снимать, тоже знал. Даже ставил защиту от злобных духов – «астральную крышу», как тогда говорили. Это я у одного бурята научился, такая сокращенная версия их религиозной ганапуджи. В общем, стандартный набор того времени.

– Сами-то вы в свою науку верили? – спросил Тимофей.

Акинфий Иванович усмехнулся.

– Как тебе сказать... Вот когда Ельцин был членом Политбюро, его спрашивали, верит он в коммунизм или нет. Он отвечал так – верю как в прекрасную мечту и идеал. Но решать, товарищи, надо назревшие практические вопросы... А был при этом одним из главных советских коммунистов. Тоже своего рода телегипнотизер. Вот и я похоже к вопросу подходил. Понятно?

Тимофей кивнул.

– Только не подумайте, – продолжал Акинфий Иванович, – что я был обманщик и вредитель. На самом деле я людям скорее помогал. Вы про «эффект плацебо» слышали?

– Конечно, – сказал Андрон. – Это когда вместо лекарства дают пустышку.

– Дело не в пустышке. А в том, что человек считает ее лекарством. Верит в нее. Вот и тут то же самое. Люди себе не верят, а экстрасенсу доверяют. Целитель им нужен типа как зеркало. Как кочка, куда ногу поставить, чтобы исцелиться через веру. Мастерство экстрасенса не в том, чтобы воду заряжать, а в том, чтобы заставить пациента в это поверить. Вот тогда можно камлать как угодно. И все будет работать, все без исключения...

– Как считаете, – спросил Тимофей, – Иисус так же больных исцелял?

– Видимо, да, – ответил Акинфий Иванович. – Верили в него сильно, потому и работало. Но я, конечно, Иисусом не был. Экстрасенс из меня вышел так себе, районного масштаба. В Москве или Петербурге такому делать было нечего – актерский уровень не катил. В столицах народ вострый. А на провинцию таланта хватало. И потянулись передо мной, как сказал древний поэт, глухие, кривые, окольные тропы...

– Откуда это? – спросил Тимофей. – Что-то знакомое.

– В какой-то фантастике было, не помню. Ходил я не по тропам, конечно, а по асфальту. Просто в уездных городишках. Тогда интернета не было, зато везде выходило много желтых листков, где печатали разные безумные объявления. Вот там я давал свою информацию – дипломированный экстрасенс-энергетик чистит каналы, снимает порчу, отводит карму и дает астральную крышу. Заряжает воду на год вперед и все такое.

– Все-таки врал, значит? – спросил Тимофей. – Немножко, но привирали?

– Нет. Ни разу. Я действительно был дипломированный экстрасенс. Правда, диплом у меня был по обычной медицине, но ведь был же. И каналы я чистил честно – представлял их себе и убирал воображаемую грязь. Так же точно снимал порчу и заряжал воду – все по инструкции. Как экстрасенсы делают. То есть участие с моей стороны было стопроцентно искренним. Другое дело, что за его эффективность я не ручался. А кто из экстрасенсов ручается? Знаете, как это у Шекспира: «I can call spirits from the vasty deep. – Why, so can I, or so can any man. But will they come, when you do call for them?»².

– Ну и ну, – уважительно протянул Андрон, – даже Шекспира наизусть помните.

---

² Я духов вызывать могу из бездны! – И я могу, и всякий это может. Вопрос лишь, явятся ль они на зов...

– Кое-кому я правда помог, – продолжал Акинфий Иванович. – И не только за счет плацебо. Я ведь все-таки был доктор. Мог иногда дать полезный совет просто на уровне здравого смысла. Типа свинцовую трубу из водопровода убрать или там не спать головой к трансформатору. На всякое насмотрелся...

– А вы в каких краях гастролировали?

– Да везде. Но под конец заметил, что бизнес лучше идет на Кавказе. Может, потому, что и сам я немного на кавказца похож...

– Вы не на кавказца похожи, – сказал Иван. – Скорее на колдуна.

Акинфий Иванович засмеялся.

– Бороды такой белой у меня тогда не было. Была пегая бородка. В общем, не знаю почему, но именно в этих местах люди мне доверяли больше всего. Постепенно у меня даже выработался кавказский акцент. Такая мимикрия для слияния со средой. Почти по Дарвину...

– По Дарвину будет, если у вас после генетической мутации детки заговорят с кавказским акцентом, – сказал Валентин. – И бегать будут с пегими бородками.

Акинфий Иванович посмотрел на него без улыбки.

– До деток мы еще дойдем, – сказал он. – В общем, вот такую жизнь я вел в девяностых. И занесло меня в этот самый Нальчик. Вы там были проездом?

Тимофей кивнул.

– Как вам?

– Ничего, красивый.

– В то время очень тревожный город был, – сказал Акинфий Иванович. – И люди в нем встречались опасные. Особенно если не знать всех местных поведенческих тонкостей – что, с кем и как...

Лампа затрещала и погасла.

– Керосин кончился, – сказал Иван.

– Знак свыше, – ответил Акинфий Иванович. – Давайте спать уже, а то зеваем. Завтра поговорим.

***

Под утро, еще затемно, прошел дождь. Капли долго барабанили по крыше, которая в одном месте протекала – Ивана подмочило, но он заметил это только тогда, когда часть его спальника уже пропиталась водой. Чертыхаясь, он принялся отжимать его в углу. Остальные кое-как смирились с надвигающимся мокрым днем.

– Сегодня в основном скачем по камням, – сказал Акинфий Иванович. – Завтракаем и выходим, надо много пройти.

Тропинка пошла в горы – и действительно, почти всегда была возможность наступить на ровный камень, а не в грязь. Но тщательный выбор места для следующего шага отнимал так много сил, что любоваться видами получалось не очень. К тому же сами виды за ночь успели измениться самым радикальным образом.

Все покрывал туман. Он был клочковатым – словно с неба падали обрезки облаков – и густым: не всегда было понятно, что в двух метрах справа или слева. Идти приходилось осторожно, зато постоянное присутствие опасности делало прогулку захватывающей.

Туман тоже был по-своему красив, но теперь панорама состояла из возможностей и намеков. Все вокруг сделалось восхитительно неясным, все казалось обещанием, неизвестным письмом в плотном и влажном сером конверте – и Валентин вспомнил вчерашние слова Акинфия Ивановича о детстве. Да, в детстве возможно что угодно, и в тумане тоже. Тропинка загибается вверх и уходит прямо в сказку...

Правда, сказка была страшноватой. Сырой воздух отдавал распадом; по мокрому камню иногда скользила даже вибравовская подошва, и возможность свалиться в пропасть, несколько раз проступавшую сквозь мглу возле тропы, была самой настоящей.

Акинфий Иванович шел впереди и задавал своей быстрой ходьбой немного не комфортабельный темп.

– Давайте помедленнее, может? – попросил через пару часов Андрон.

– Хотите в темноте карабкаться?

– Нет.

– Тогда быстрее надо. Я и так медленно иду...

Последний час действительно пришлось идти в полутьме – к тому же опять начало накрапывать, и плотно сбившиеся в цепочку друзья чувствовали себя солдатами, спешащими в самое сердце опасности... А дождь капал все гуще, и было уже понятно, что скоро он польет всерьез.

Но как раз в это время тропинка стала пологой, потом по сторонам замелькали кусты – и впереди наконец появилась серо-коричневая хижина, очень похожая на вчерашнюю.

– Успели, – сказал Акинфий Иванович.

Во втором коше нашлась такая же точно керосиновая лампа, как в прошлом. Бидон с водой тоже ждал у стены. Айрана и мяса не было. Газовой плитки тоже. Но запах внутри все равно стоял тяжелый и какой-то старинный.

– Так в японских замках пахнет, – сказал Тимофей. – В какой-нибудь башне. Снаружи красиво, а как войдешь... Не то чтобы совсем противно, но так... своеобразно. Не из нашего времени.

– Да, – ответил Акинфий Иванович, – запахи здесь древние. Изначальные. Минус керосин, конечно...

– Керосин сегодня тоже древний запах.

Поужинали холодными консервами и серым хлебом с базы.

– Вот сегодня точно выпить надо, – сказал Андрон. – Чтобы согреться.

– Чабанскую водку пить придется.

– Ничего. Мы это, монетизируем. Денег больше оставим.

Когда ужин был съеден и водка выпита, Иван сказал:

– Акинфий Иванович, на чем вчера остановились?

– На том, что лампа погасла, – ответил тот и засмеялся.

– Как вы в Нальчик приехали, – сказал Тимофей. – И что народ там был опасный.

– Угу, – кивнул Акинфий Иванович. – Опасный. В общем, снял я себе комнату с кухней в частной гостинице. Типа такой крохотной квартирki. Клиентов в Нальчике у меня было прилично. В основном доверчивые старушки, на которых совок пахал. Они привыкли слушать политинформацию по телевизору и всему верить. Раньше им Брежнев с Андроповым показывали, а теперь стали показывать Ельцина, Кашпировского и Чумака. Вот они и решили, что из центра пришла команда заряжать воду. Я преувеличиваю, но не сильно.

– Денег много зарабатывали?

– Как в анекдоте про Раскольников, – махнул рукой Акинфий Иванович. – Пять старушек уже рупь. Еле на гостиницу хватало. Я надеялся на жирного аборигена с духовными запросами – частные дома в Нальчике были ого-го какие. У людей на Кавказе деньги при советской власти всегда водились. Но богатый клиент не клевал. Моя реклама до него не доходила. И ясно было, по какой причине – этих желтых газеток с объявлениями серьезные люди не читали.

– Почему?

– Да очень просто. Их кто вообще читал, эти листки с объявлениями? Тот, кому надо было что-то дешево и быстро купить, продать или снять, и так далее. А обеспеченный кавказский клиент – он себе все уже купил, снял и надел. Он по объявлениям не рыскал. Он сидел

у себя на кухне, спокойно пил чай и смотрел телевизор... На телевизор, как я уже говорил, у меня выхода не было. А вот на местное радио нашелся.

Тимофей снисходительно усмехнулся и поглядел на Акинфия Ивановича как на малое дитя.

– Дорого тогда стоило? – спросил он.

– Дорого. Денег моих не хватило бы. Все случайным образом срослось. Через интеллигентную местную девушку, работавшую на этом радио. Прочла мое объявление – и наняла меня сделать приворот. Вернуть парня, который ее бросил. После моего приворота у них через день все по новой закрутилось, поэтому она в меня сильно поверила – и устроила бесплатную передачу у себя на радио. Не рекламную, а такую... Как бы с научным сомнением. Тогда такое часто пропускали.

– Вы и привороты делали? – спросил Андрон.

– Делал, – засмеялся Акинфий Иванович. – Вовсю. Очень прибыльное занятие.

– А кто вас научил?

– Этому меня как раз никто не учил, – ответил Акинфий Иванович. – Сам научился. По Александру Блоку.

– Который «Двенадцать» сочинил?

– Тот самый, – кивнул Акинфий Иванович. – Он экстрасенсом, конечно, не был – но написал в девятьсот шестом году статью под названием «Поэзия заговоров и заклинаний». Очень ценная работа. Там много всяких заклинаний, особенно по приворотной части. Одно мне особенно нравилось – прямо такое страшное было, что даже образованные люди велись. Оно от мужского лица, но я на женский лад тоже приспособил, заменил молодца на молодницу и так далее. Настолько часто пользовался, что до сих пор наизусть помню. Хотите послушать?

– Да! Да! Давайте! – попросили сразу все.

Акинфий Иванович глубоко вдохнул, прочистил горло, сделал серьезное лицо и зарокотал низким речитативом:

– Во имя сатаны и судьи его демона, почтенного демона Пилата Игемона, встану я, добрый молодец, и пойду я, добрый молодец, ни путем, ни дорогою, заячьим следом, собачьим набегом, и вступлю на злобное место, и посмотрю в чистое поле в западную сторону под сыру-матерую землю... Гой еси ты, государь сатана! Пошли ко мне на помощь, рабу своему, часть бесов и дьяволов, Зеследер, Пореастон, Коржан, Ардух, Купалолака – с огнями горящими... Не могла бы она без меня ни жить, ни быть, ни есть, ни пить, как белая рыба без воды, мертвое тело без души, младенец без матери... Мои слова полны и наговорны, как великое океан-море, крепки и лепки, крепчае и лепчае клею карлуку и тверже и плотнее булату и камению... Положу я ключ и замок самому сатане под золот престол, а когда престол его разрушится, тогда и дело сие объявитца...

В коше надолго установилось молчание. Слова Акинфия Ивановича были мрачны и загадочны; от демонических имен веяло настоящей страшной древностью – а особенно жутким показался прорезавшийся во второй половине его речитатива кавказский акцент, совершенно разбойничий, из-за которого даже понятные русские слова вдруг сделались колдовской абракадаброй.

– Сатанэ пад залот прэстол, – повторил Андрон, но никто не засмеялся.

– И что, вы это по радио прочли? – спросил Иван.

Акинфий Иванович тихонько хихикнул.

– Зачитал. Представляете себе? Тогда и не такое читали.

– И что, – спросил Тимофей, – нашлись после этого клиенты?

– Нашлись. Тут, собственно, все и началось. Через три дня в мою квартирку позвонили. Утром еще. Я в первый момент подумал, что менты...

– Что-то еще по радио брякнули? – понимающе спросил Тимофей.

– Да не, тогда свобода была. Менты не за этим ходили, а за деньгами. По радио рекламируешься, значит, должен платить... Я первым делом подошел к окну и осторожно так выглянул – если менты, там бы их машина стояла. Смотрю, машина действительно стоит. Но не ментовская, а белая «чайка». Это, чтобы вы знали, удивительно было очень. Машин таких в СССР было мало, и ездить на ней мог или какой-нибудь академик, или мировая балерина. Вернее, не ездить – на таких машинах не ездили. На таких возили...

– Секретарь обкома приехал? – предположил Валентин.

– О, какие вы слова знаете, – удивился Акинфий Иванович. – Нет, не секретарь. В общем, заходят ко мне два джигита в спортивных костюмах. И объясняют, что у них для меня работа по специальности. Заплатят, мол, хорошо. Я спрашиваю, а что именно нужно? Они говорят, поедem с нами, там расскажут. Я спрашиваю, кто расскажет? Увидишь, отвечают. И уже начинают желваками играть. В общем, самый был подходящий момент, чтобы неохотно прогнуться. А то бы все равно прогнули – экстрасенс такие вещи чувствовать должен. Оделся я поприличней и пошел за ними в белую «чайку».

– А что же вы на них демонов не напустили? – спросил Иван. – Купалолоку бы послали.

– Они еще ничего не сделали, – ответил Акинфий Иванович, – чтобы Купалолоку на них напускать. Я ведь мялся не потому, что ехать не хотел, а цену набивал. В душе я рад был безмерно. Понимал – крупная рыба клюнула. Очень крупная. Так и оказалось...

Акинфий взял свой стакан и допил последние пятьдесят грамм водки.

– Нальчик тогда по виду был обычный советский город, если в центре, – продолжал он. – А ближе к окраинам уже шла частная застройка. И вот привозят меня в трехэтажный белый дом с большущим старым садом. Забор высоченный. Сейчас-то таким никого не удивить, а тогда непривычно выглядело. К тому же дом весьма странный... Я его про себя мавританским назвал, хотя в архитектуре не слишком разбираюсь. Стрельчатые окна, витые колонны, две башенки на фасаде. Солидно. И не пошло сделано, а с большим вкусом – видно, что архитектор хороший. Заезжаем с улицы в гараж, заходим оттуда прямо в дом. Дом изнутри обставлен как музей. Все античное – амфоры, статуи. Наверное, копии, но по-любому впечатляло. В общем, захожу в большую комнату на втором этаже, и встречает меня такой холеный пожилой мужик в прекрасном костюме. Я, честно говоря, поразился – потому что ждал чего-то карикатурного, типа Аркадия Райкина в папахе.

– Это кто? – спросил Иван.

– Советский актер, – ответил Валентин. – Комик, очень популярный был. И смешной. Еврей такой типа пожилого Бората. Он в папахе часто юморил.

Акинфий Иванович погрозил ему пальцем.

– Осторожней, – сказал он, – национальностей лучше не касаться, а то можем случайно кого-то обидеть. Но мужчина этот на кавказца похож не был. И на еврея тоже. Я сразу понял, что здесь другое.

– Как поняли?

– Да вот трудно сказать. Не только по лицу, а еще по обстановке в комнате, наверное. Там все какое-то такое было... Не знаю. Специфичное. Каменные головы, человеческие и бараньи. Статуя из алебаstra, вся в следах от ударов, так что от нее один контур остался. Словно бы кто-то в шинели и с отбитой головой. И маски. В несколько рядов на стенах маски.

– Сварщика? – спросил Иван.

Акинфий Иванович посмотрел на него тяжелым взглядом.

– Нет, – сказал он. – Если вы на мой офис намекаете, то у меня они по делу висят. У нас электросварка своя на базе. А там очень странные маски были, древние, то ли из глины, то ли из терракоты. Желто-коричневые. Были и совсем темные. Я таких не видел раньше. Немного похожи на современные африканские – все в насечках и как бы татуировках. Но при этом ухмыляются очень весело. Заговорщически. Глянул на такую маску, и самого ухмыльнуться

тянет, честное слово. Некоторые были из цветного стекла, с черными бородами – склеенные из осколков. Но лица как живые... А главный объект в комнате был такой здоровенный медный бык. Размером с рояль.

– Бык?

– Ну да, примерно как на Уолл-Стрите, только поменьше. Снизу закопченный, хоть копать эту видно что счищали. А на спине крышка на петлях – внутри пустой. Типа казана. Наверное, пищу готовить – такого быка можно ставить прямо над костром. Сразу понятно, что вещь очень старая и наверняка безумно дорогая. Еще, помню, запах в комнате был необычный. Словно бы тяжелые духи, или благовония. И холодно. Мужик этот сел в кресло и так испытующе на меня смотрит. Потом пригласил напротив сесть. Представился. Звали его Жорес...

– Хорошее имечко для Нальчика, – сказал Тимофей. – Видно, папа был из старых большевиков.

– Я тоже так решил. А Жорес меня спрашивает: «Ты правда что ли Ардуха знаешь?»

Тимофей с Андроном засмеялись.

– А мне вот смешно не было ни капли, – продолжал Акинфий Иванович. – Я даже не раздуплил сначала. Подумал, он про местных пацанов. Какого, спрашиваю, Ардуха? А он говорит – ну, ты по радио хвастался, что Ардух тебе помогает. Тут только я сообразил, что это из блоковского заклинания. Ах, говорю, вы об этом... Нет, лично его не знаю. Но общих знакомых много. Он тогда спрашивает, ну хорошо, лично не знаешь, но духами командуешь? Они сквозь тебя ходят? Говорят сквозь тебя? И глядит так, что врать уже не хочется... Гордость у экстрасенса тоже есть...

– И что вы ему сказали?

Акинфий Иванович улыбнулся. Видно было, что воспоминание ему приятно.

– Меня прямо осенило, вот как от испуга бывает, или от сильного напряжения. Я ему говорю – это, знаете ли, от *закона давлений* зависит. Я даже не придумал еще в тот момент, что это за закон давлений такой, просто брякнул наугад. Он спрашивает – какой закон давлений? И тут я ему начинаю втирать как по писаному, сам не знаю, откуда слова берутся: вот представьте, уважаемый Жорес, дверь на петлях. Чтобы она открылась, надо, чтобы к ней приложили усилие. Или изнутри потянули, или снаружи толкнули. Сквозняк или рука. Медиум вроде меня – это такая же дверь. Личного желания что-то сквозь себя пропускать у нее нет. Двери как-то деревянно, понимаете ли. Но если возникнет давление изнутри или снаружи, она по закону физики откроется.

– А что это за давление? – спросил Иван.

– Вот и он тот же вопрос задал. А у меня к этому моменту такое вдохновение наступило, словно Пушкин вселился. Это, говорю, то же самое, что необходимость. Если у вас есть серьезная необходимость с каким-то духом пообщаться, то вы становитесь по отношению к нему как бы областью низкого давления. И от духа в вашу сторону подует сквозняк, который дверку сам и откроет. От меня тут мало что зависит. Он улыбнулся так еле заметно и отвечает – правильно излагаешь. И сколько стоит тебе петли смазать?

– А вы много брали за сеанс? – спросил Иван.

– Обычно около ста зеленых, – ответил Акинфий Иванович. – По тем временам хорошие деньги были. Но тут я почувствовал, что дело серьезное – и объявил внаглую пять тысяч. Долларов. Чтобы вы понимали, в то время за похожую сумму квартиру в Москве можно было купить. Я уверен был, что он меня пошлет. Но он даже торговаться не стал. Сразу согласился. Мы, говорит, сейчас в одно место поедем. Переобуйся, Буратино – сапоги тебе дадим резиновые. А то туфли попортишь... Я не понял, почему Буратино. Только потом дошло – дверь же деревянная. Манера шутить у этого Жореса была чисто бандитская – видно, общался с криминальным элементом много и плотно. Да и сам походил на авторитетного бандюка.

– Вы не подумали, что он вас убить хочет?

– Подумал, конечно. Первым делом. Тогда все друг друга сначала убивали, а потом здоровались. Но я ведь ничего еще не сделал, вроде рано было. Да и интересно стало. Нашли мне сапоги, я надел, и сели мы в машину...

– В белую «чайку»?

– Вот нет, уже в красную «ниву». Я сразу понял, что мы в горы поедem – там только «нива» нормально пройти могла, ну и «уазик», конечно. «Уазик» с нами тоже поехал, с его братвой. Как я и думал, рванули вверх. Ехали долго, потом остановились на привал. Перекусили разными копченостями, вина выпили очень хорошего – хоть оно в пластмассовой канистре было, такое и сейчас не в каждом магазине купишь.

– Они же мусульмане, – сказал Иван, – вина пить не должны.

– Эти пили. Чабаны тоже пьют. Да и потом, тогда же время другое было. Ислам и все такое прочее – это уже потом вернулось. А тогда мы еще были советские люди. стакан портвейна, сырок «Дружба». Как положено. В общем, захорошело мне от вина, и стал я по сторонам глядеть уже благосклоннее. Горы здешние я тогда вблизи первый раз видел, и показались они мне красивыми необычайно. Другой воздух, другое небо. Рай. Жорес заметил, как я по сторонам гляжу, и спрашивает – красиво? Красиво, говорю. Очень. Прямо видишь, каким этот мир должен быть по исходному замыслу... Он сощурился и спрашивает – чьему замыслу?

Тимофей засмеялся.

– Вот и я тоже протрезвел сразу, – кивнул Акинфий Иванович. – Понял, что за базаром следить надо, мы же духов вызывать будем. И отвечаю так аккуратно – тут разные мнения есть. Многие верят, что никакого замысла вообще нету, а все само собой так устроилось. Хотя я лично такую постановку вопроса не до конца понимаю. Если все само собой движется, чем оно тогда отличается от вечного двигателя? А вечного двигателя быть не может, это ученые доказали. Тогда получается, что у нас тут его быть не может, а у них там, – Акинфий Иванович ткнул пальцем в потолок, – запросто. Выходит, у нас тут законы одни, а там другие... В общем, попытался с этого разговора съехать.

– А он? – спросил Иван.

– А он не съезжает. Спрашивает уже прямо – в Бога веришь? Для экстрасенса не самый любимый вопрос. Как ни отвечай, другие вопросы появятся. Иногда неприятные, особенно в кавказских условиях. Надо уметь выкручиваться.

– И как вы выкрутились?

– Да как обычно. Надо понять, что твой собеседник сам по этой теме думает. Ну, вспомнил я его мавританскую саклю с масками – и чисто на интуиции говорю: наверное, есть боги и есть боги над богами, как цари над царями. Вот посмотрите, как оно на Земле. Есть местное начальство, есть центральное, есть международные центры силы... Есть авторитетные пацаны. Люди шепчутся, что есть мировое правительство, которое все решает, но вживую его никто не видел. Вот и во Вселенной, наверное, так же... Он улыбнулся еле заметно и спрашивает – ты правда так полагаешь? Я тогда уже совсем по правде говорю – я никак не полагаю. Потому что мое умозрение кончается там, где эти вопросы только начинаются.

– Вот это хороший ответ был, – сказал Тимофей.

– Ему тоже понравился. Спасибо, говорит, за то, что честный со мной. Это для нашего проекта важно... В общем, свернули мы рогожку, убрали еду с вином в багажник и поехали дальше. Горы, дорога, горы... Приехали под вечер, хотя еще было светло.

– Куда?

– Никуда. Я даже не понял сперва, что мы на месте – ничего примечательного вокруг не заметно. Просто горы, и все. Машины остановились, мы вышли, и он так с интересом на меня смотрит. Чуешь, говорит, что-нибудь? Я плечами пожал и отвечаю – место сильное. Но вы, Жорес, зря меня все время экзаменуете. Я могу правильно ответить, могу неправильно – дело не в этом. Дело в том, что между медиумом и партнером по бизнесу есть разница. Партнера

проверяют. А с медиумом работают на доверии. Иначе не срастется. Он кивнул и отвечает – хорошо, согласен. Больше проверять не буду. Вот посмотри-ка сюда... И дает мне открытку старую, из фотографии сделанную. Я на нее эдаким Шерлоком глянул и понял, что она еще довоенная...

– Каким образом? – спросил Тимофей.

– Да по штемпелю, – засмеялся Акинфий Иванович. – Тридцать восьмой год. С другой стороны каракули какие-то на французском, уже почти не разобрать – чернила выцвели. А на самой открытке гора. Он говорит, теперь вперед посмотри. Гляжу вперед – и вижу эту гору. Вот ту же самую точно. Я удивился. Спрашиваю – неужели французы до войны сюда приезжали, чтобы панораму эту снять? Что в этой горе такого особенного? А он отвечает – гляди внимательнее, Иакинф...

– Он вас так называл?

– Да, – ответил Акинфий Иванович и зевнул. – С самого начала. Я ему даже не представлялся – он мое имя по радио слышал. Видно, знал, откуда оно происходит. Иакинф так Иакинф, я не возражал... Все, хватит на сегодня. А то не выспимся. Спокойной ночи, малыши...

***

На следующее утро наконец распогодилось. Когда пространство стало прозрачным, выяснилось, что в мире очень мало людей. В природе совсем не ощущалось человеческого присутствия – разве что в небе иногда распукался далекий самолетный след.

Тропинка была уже сухая.

– Всегда пропасть и стена, – сказал Андрон. – Или с правой стороны стена, а с левой пропасть. Или наоборот.

– Зарэпуй, – посоветовал Тимофей. – А то неярко. Не трогает душу. Но в стихах, может быть, проканает...

После этого пошли молча. Виды были хороши, но никто не делал снимков – все знали по опыту, что прозрачная даль съжится на экране до бессмысленной синей полосы. Говорить тоже не хотелось.

Молчание нарушил Иван, когда остановились передохнуть.

– Когда я гляжу на горы, – сказал он, – у меня часто такое чувство, что это... Чьи-то постройки.

– Да, – кивнул Валентин. – Понимаю. Я тоже вчера древнюю стену видел. В смысле, не настоящую, конечно. Скалы. Просто похоже на развалины.

– Какие-то допотопные пирамиды, – продолжал Иван. – Немыслимо старые гробницы. Построенные кем-то великим.

– Кем? – спросил Тимофей.

– Вот я не знаю. Кем-то, кто здесь жил до нас. В смысле, до людей. Строили они иначе, потому что технологии были другой природы. И получилось вот это.

– Да кто же это был такой? – повторил Тимофей. – Разумные динозавры?

– Нет, не динозавры. Гораздо раньше. Кто-то, про кого люди никогда даже не узнают.

– Почему, – сказал вдруг Акинфий Иванович. – Люди всегда знали, кто горы построил.

– Кто?

Акинфий Иванович пожал плечами.

– Боги...

Он сказал это таким тоном, словно упоминал отлично известных всем лиц, про которых почему-то никто не догадался вспомнить.

– А, ну да, – улыбнулся Тимофей. – Боги над богами, вы говорили вчера. Ардух и этот, как его... Куполокака. Можно и так подойти. Тем более что в священных книгах все уже написано. Кто, как, когда и за сколько. В смысле, дней.

– Написано там много, – согласился Акинфий Иванович. – И смешного, и глупого. Понимаю вашу иронию, но я бы не стал прямо все-все отмечать... Разумное зерно там тоже есть. Пошли, ребята, пошли...

Горный горизонт был, если вдуматься в только что постигнутую тайну, невероятно загадочен. Вся поверхность земли была занята усыпальницами больших и малых богов.

Размеры и древность этих надгробий указывали на безмерное величие покойных. С другой стороны, божественных пирамид было столько, что из-за одного их количества боги казались не особо долговечным народцем. А значит, и не слишком серьезным – особенно если вспомнить, какая песчинка наша Земля перед лицом Космоса...

Высоких мыслей хватило до темноты.

Вечером выяснилось, что Андрон принял данный ему совет к сердцу.

– Пропасть справа, стенка слева, – продекламировал он, – вызывает чувство гнева. Пропасть слева, стенка справа – та же подлая подстава...

– Целый день сочинял? – спросил Тимофей.

– Угу.

– О работе думаешь, – сказал Валентин. – Поэтому и образность такая. То стенка, то пропасть. И эмоции соответствующие. Недоверие к людям, фрустрация, злоба. Ты по инерции на бирже торгуешь.

Андрон вздохнул.

– Есть такое.

Акинфий Иванович опять привел группу в кош, на этот раз совсем старый и ветхий. Но все равно это было лучше, чем спать в палатках – и делалось непонятно, зачем вообще надо было тащить их с собой. Когда Валентин спросил об этом, Акинфий Иванович ответил:

– Еще пригодятся.

После ужина (пить не хотелось, и приняли по символической стопке – лишь Акинфий Иванович налил себе вторую) все уже ожидали продолжения рассказа.

– Вы говорили, – напомнил Тимофей, что этот Жорес показал вам старую фотографию. И велел еще раз поглядеть на гору.

Акинфий Иванович кивнул.

– Ну да. Говорит, внимательнее надо быть, Иакинф. Погляди-ка еще раз. Я снова на открытку смотрю, потом опять на гору. Ну она, точно... Или нет? И тут до меня доходит. Гора такая же, а те горы, что вокруг, нет. На открытке другое место. Совсем другое. А гора та же. Я его спрашиваю, где гора с открытки? Он отвечает – в Тунисе. Я спрашиваю, а почему здесь такая же? Нет, говорит, не такая же. Есть отличия. Правда, небольшие. Вот здесь и здесь... Показывает на открытку – и я вижу, что действительно есть разница. Небольшая, как между двумя близнецами. Но есть. На горе с открытки дорога протоптана – от подножия до самой вершины. А на этой ничего подобного нет.

Лицо Акинфия Ивановича стало серьезным.

– В общем, непонятно было, что думать. Ну ладно, похожи горы, а дальше? Жорес тогда говорит: про здешнюю гору ты сам, наверное, все понимаешь. Людей тут не бывает, только быки с пастухами. Поэтому у нее даже имени нет. Вернее, есть – целых два. В зависимости от того, из какого села чабаны. Здесь это не отдельная гора, а так, складка рельефа. А вот та гора, что в Тунисе – другое дело. Она там действительно гора. Очень известное место. Ты слышал такое название – «Джебел Букарнина»?

– Это на каком языке? – спросил Иван.

– Я тоже поинтересовался. Он говорит, на арабском. Но происхождение этих слов еще античное. У горы две вершины. Два отчетливых выступа. На финикийском языке «баал корнин» значит «господин с двумя рогами».

Последние три слова Акинфий Иванович произнес торжественным голосом, в котором опять прорезался хищный кавказский акцент. В воздухе потянуло тревогой. Акинфий Иванович, видимо, сам это ощутил – и улыбнулся.

– Я напугался аж, – продолжил он. – А потом думаю – с двумя рогами или не с двумя, ничего не значит. Вон, у каждого барана два рога. Чего, бояться их теперь? Спрашиваю Жореса – что это за господин с двумя рогами? Он говорит – древний бог. Баал.

– Может быть, Ваал?

– Он сказал – Баал. Слышал про такого? Я отвечаю, не приходилось. Да ты слышал, говорит, просто не помнишь. Про Ганнибала ведь наверняка знаешь. Это значит «милость Баала». Кстати, фамилия Ганнибала была «Барка», в переводе «сверкающий, сияющий». Представляешь карфагенских солдат при Каннах? Или под Римом? Дом далеко, но каждый помнит, что их ведет к победе *сверкающая милость Баала*... Даже покруче товарища Сталина будет...

– А кто этот Баал? – спросил Иван.

– Пунический бог. Слово «баал» значило что-то вроде «господин». «My sweet Lord», так сказать. Харе-харе. Могло означать любого бога или какую-нибудь земную шишку типа крупного землевладельца. Но бога Баала действительно изображали с рогами.

– Черт так выглядит.

Акинфий Иванович вздохнул.

– Чтoб вы знали, христиане своего черта слизали с бога Пана, потому что с креативом у них плохо было с самого начала. Могли только в чужих храмах костры коптить.

– Пан – это польский бог, – сказал Тимофей.

– Еще у них есть бог Пропал, – подхватил Валентин. – Гневный аспект Пана. Пан или Пропал. Типа как Янус.

– В Польше не был, – ответил Акинфий Иванович. – В общем, Жорес эту открытку спрятал, и мы пошли к горе. Должен вам сказать, что чем ближе мы подходили, тем страшнее мне делалось. Веяло от нее чем-то холодным и страшным, как из подвала с трупами. Или мне так казалось после того, как Жорес меня загрузил, не знаю. А может, просто холодно стало под вечер, я тогда непривычный был... Шли мы по узкой и еле заметной тропке – но проложена она была именно там, где на туниской фотографии древняя дорога. Я догадался, что это Жорес так рассчитал. Чтобы подъем на вершину был как в Тунисе. И через полчаса примерно вышли мы на небольшое плато... Метров тридцать в диаметре, со всех сторон камни.

– Это не плато, – сказал Иван. – Просто поляна.

– А разве в горах бывают поляны? – спросил Акинфий Иванович.

– Почему нет.

– А что тогда такое «плато»?

– Плато большое, – ответил Иван. – Вот здесь плато Бечесын, оно же огромное.

– Еще «плато» – это Платон по-английски, – сказал Валентин. – Если такое слово что-нибудь говорит собравшимся.

– Говорит, – ответил Тимофей с ухмылкой. – Покойный Березовский на это имя английский паспорт получал. Платон Еленин.

– Не знал про такое, – сказал Акинфий Иванович. – Это, наверное, чтобы Аристотель Онассис на него сверху вниз не смотрел, когда в раю встретятся. Богатые все себе могут позволить... Хорошо, не плато. Небольшая такая полянка.

– Как здесь?

– Нет, побольше. Но место похожее, в таких коши обычно и ставят. Коша там, правда, не было – зато стояли палатки. Жорес говорит, пока свет еще есть, пойдем поднимемся. Кое-что

покажу. Поднялись мы по скале – там в камне такие природные ступени были, удобно лезть. И вот на самом верху смотрю – в скале высечены два огромных рога. Как у меня в офисе на стене, видели череп? Вот такие же почти. Но не целиком, только основания. Вот представьте – из стены как бы торчит лоб огромного тура, рога выходят из лба, загибаются назад и уходят в скалу...

– Что, просто рога и лоб? – спросил Андрон. – А головы не было?

– Только лоб и начало рогов, – кивнул Акинфий Иванович. – Но сделано так хорошо, что все остальное угадывается. Как будто из глубины камня к свету рвется какой-то рогатый зверь, и уже почти высвободился из плена... Уже почти прорвался в нашу пустоту.

– Как меч короля Артура, – сказал Иван.

– Вот примерно. Только тянуть за эти рога мне не хотелось. Спустились мы вниз и пошли к палаткам...

– А кто в палатках был? – спросил Тимофей.

– Братва этого Жореса, которая с нами ехала, туда загрузилась. У него своя палатка была, типа командирской. Заходим. Ему уже к этому моменту ковер внутри расстелили, на нем корзина с фруктами, подушки – в общем, человек даже в горах жить умел. Сели мы на ковер, выпили еще вина, и я его спрашиваю – что за рога? Зачем они тут? И стал он мне объяснять про бога Баала. Есть, говорит, такая вещь, называется «интерпретацию греко». Это когда богов и богинь из других культур стараются понять через их греческие аналоги. Ее древние греки придумали, когда путешествовали. Римляне тоже этой системой пользовались.

– А разве так можно? – спросил Иван. – Боги ведь обидятся.

– Человеку сложно обидеть бога, – ответил Акинфий Иванович. – Худшее, что может случиться – вы его собой не заинтересуете.

– Откуда вы знаете?

– По опыту работы экстрасенсом, – ухмыльнулся Акинфий Иванович. – Да и любая церковная старушка в курсе.

– Современный бог, может, и не обидится, – сказал Андрон. – А древние могли. Они были завистливые и злобные, постоянно что-то друг у друга воровали, интриговали и так далее. Конечно, обиделись бы, если бы одного стали называть именем другого.

– Боги в древнем мире были общие, – ответил Акинфий Иванович. – В разных культурах поклонялись одним и тем же сущностям. Люди их чувствовали сквозь ярлыки. Просто в разных языках имена звучали по-разному. Поэтому в «интерпретацию греко» никакого святотатства не было.

– Вы чего, – усмехнулся Тимофей, – верите, что эти боги правда жили? А куда они тогда делись?

– Умерли, наверное, – вздохнул Валентин. – Поэтому античность и кончилась.

– Скорее, пришли новые боги, – сказал Андрон, – и у старых этот мир отжали. А старых богов загнали под шконку.

– Может, и так, – отозвался Акинфий Иванович. – Только мир – это вам не мобильник в стразах, чтобы его отжать. Скорее, боги просто ушли в тень. Кто-то, может, и умер... А кто-то до сих пор на вахте. Но тогда я в этих вопросах не разбирался и про «интерпретацию греко» узнал впервые. Поэтому слушал Жореса с большим интересом.

– А что он дальше сказал?

– Стал объяснять, что по греческой интерпретации пунийцы поклонялись на этой горе Кроносу. Или Сатурну. Кронос, говорит, это бог времени и многого другого. Греки изображали его с серпом – кстати, выражение «серпом по яйцам» пришло из античности, Кронос именно этим инструментом оскотил папашу Урана. А пунийцы изображали Кроноса без серпа, зато с рогами. Или даже с бараньей головой. Но это не значит, что Кронос был бараном. Имелось в

виду другое. Левый рог – прошлое. Правый – будущее. Вот это и значит «Двурогий Господин». Хозяин прошлого и будущего, властелин, так сказать, времени. А вовсе не черт.

– Может быть, черт тоже властелин времени.

– Есть такая гипотеза, – согласился Акинфий Иванович. – Но тогда не только времени, а еще и пространства. Всего этого физического измерения. В это многие сектанты и еретики верили, в том числе ранние христиане...

– Хорош отвлекаться, – сказал Валентин. – Показал он вам рога на скале, объяснил про Кроноса. И что дальше?

– Дальше я его про рога спросил. Почему они тут. И он ответил, что на горе Джебел Букарнина в Тунисе когда-то стоял храм Кроноса, или Баала. И в нем была статуя бога, которая совершала настоящие чудеса и сильно помогала карфагенянам в их экспансии. Ее, натурально, разрушили римляне. А здесь эта статуя просто еще не высечена из камня – лишь намечено, где ей полагается быть. Только начали беспокоить камень, только коснулись божественных рогов и лба. И они проступили из скалы в той же относительной точке пространства, что на горе под Карфагеном. Понимаете?

– Думаю, этих Баалов в Карфагене ставили всюду, – сказал Тимофей. – Как Августов в Римской империи. Или как Лениных при Советской власти.

– Это понятно, – ответил Акинфий Иванович. – Но статуя статуе рознь. Большинство просто истуканы. А в некоторых действительно обитает божество. Одной из целей пунической войны для римлян было как раз разрушить магические объекты Карфагена. В частности, эту статую. Это было прямым указанием римских богов, полученным через оракула.

– Почему?

– Потому что статуя, как сейчас говорят, работала.

– Но ведь и у римлян такой бог в пантеоне. Сатурн. Вы сами сказали. Что же он, сам себя?

– Не все так просто. У римлян были, конечно, Сатурналии и все такое, но поклонялись они не Сатурну, а его сыну Юпитеру, или Зевсу. Сатурн был более древней сущностью – богом предыдущего цикла. И относился к эллинским богам не слишком хорошо, если вспомнить мифологию. Пунические войны были войнами богов. Как и любые большие войны вообще. Люди там просто пешки. Или даже шашки, которые вообще не понимают, что идет чужая игра, и думают, что сами прутся в дамки наперекор стихиям.

– Интересно, – сказал Иван. – Вторая мировая тоже была войной богов? Или, например, наполеоновское нашествие?

– Надо полагать. Пушкин же писал что-то вроде «Барклай, зима иль русский Бог...» Значит, чувствовал. Но мы такое не скоро понимать начнем. А вот с древним миром уже ясно. Во всяком случае, тому, кто в теме. Жорес, например, про Кроноса знал все.

– Расскажите, – попросил Иван.

– Чтобы вы понимали, у каждого бога был, как сейчас говорят, свой баг и своя фича. Баги какие? Гефест, к примеру, хромой. Афродита на передок слабая. Марс военный преступник. У Кроноса тоже был баг.

– Какой?

– Он, как бы это сказать, кушал своих деток.

– Зачем?

– Существовало пророчество, что один из детей Кроноса его свергнет. Это и был Зевс, которого мамаша спасла – подложила мужу булыжник в пеленках, а тот и проглотил...

Иван засмеялся.

– Боги эти, похоже, не шибко умные были. Мог бы пеленки развернуть и проверить. Особенно если дите молчит и не шевелится.

– Все это надо понимать метафорически, – ответил Акинфий Иванович. – Булыжник символизирует что-то одно, пеленки что-то другое... Это я смеюсь, так ученые рассуждают.

На самом деле да. Неубедительно. Но обратите внимание вот на что – как я уже сказал, Кронос есть то же самое, что Сатурн. Про кольца Сатурна знаете? Это как бы спутники, размолотые в крохотные частицы... Кристаллы космически холодного льда. Те же мертвые детки, для гарантии прокрученные через мясорубку. Их мелкий-мелкий прах. Совпадение? Не думаю. Вот такие примерно вещи этот Жорес задвигал.

На этот раз не засмеялся никто.

– Над мифологией он тоже насмеялся, – продолжал Акинфий Иванович. – У него свое мнение было по всем вопросам. Очень, надо сказать, необычное.

– Какое? – спросил Тимофей.

– Он сказал, что Кронос был богом времени и царствовал над Золотым веком. То есть над самым лучшим временем, какое только бывает. Что, вообще говоря, логично – потому что зачем иначе становиться богом времени, да? Конец Золотого века вроде означал, что Кронос перестал править миром. Но Кроноса никто не свергал. Он просто удалился от дел. И мир по-прежнему работает именно на него. А не на какого-то там Зевса или не буду говорить дальше.

– Почему?

– Чтобы понять, активен бог или нет, достаточно поглядеть, действует ли его фича. То есть функция. Любовью занимаются? Значит, Афродита при делах. Воюют? Значит, Марс тоже. Вот и с Кроносом то же самое. Время ведь осталось? Осталось. А что оно делает, время? Да то же самое, что всегда – кушает своих деток. Иногда некрасиво и быстро, как наших дедушек и бабушек, иногда терпеливо, гуманно и с анестезией, как нас, но суть не меняется. Мы – дети своего времени. И время нас пожирает. Вот это и есть проявление Кроноса.

– Дети своего времени, – повторил Валентин. – Свое время – это чье?

– Вот в этом, – Акинфий Иванович поднял палец, – и весь вопрос. Чье? Мы думаем, что наше. Но разве это так? Что мы вообще можем? Немного побегаем, поторгнем своей юностью, нагадим на тех, кто был раньше – а потом начнут гадить на нас и понемногу спишут... Незаметно сожрут. И так цикл за циклом. С незапамятных времен.

– Да, – сказал Иван, – пришел седой волшебник время и всех загасил...

– Ну не всех, – ответил Акинфий Иванович, – на семенной фонд оставят. Но в конечном счете – да. На это Жорес и напирал. Вот, говорит, посмотри, Иакинф. Считается, что Зевс-Юпитер папу Сатурна сбросил в Тартар, а сам возглавил, так сказать, мироздание. Но где сейчас Зевс? Да только в фильмах про древнюю Грецию. То есть папа его таки скушал вместе с говном и пеленками. Просто с задержкой. И всех остальных греческих богов тоже схомячил. И не только греческих, между нами говоря, а и тех, которые позже в бизнес сунулись. Но сам Кронос при этом держится в тени. И даже поклоняться себе особо не позволяет.

– Почему?

Акинфий Иванович пожал плечами.

– Ответственность. Зачем нужно брать на себя обязательства перед теми, кого жрешь, если можно их жрать без всяких обязательств? Это как про мировое правительство говорят – почему оно тайное? Да потому что на хрена ему светиться? Придется пенсии платить, дороги чинить и так далее. А можно рулить из прохладной тени, без всякой головной боли.

– Конспирология на марше, – улыбнулся Тимофей.

– Почему конспирология. Я не утверждаю, что оно есть, это правительство. Я говорю, что высовываться ему в любом случае незачем.

– А я все-таки не понял, – сказал Иван, – для чего рога на скале были высечены?

– Я тоже об этом постоянно думал, – ответил Акинфий Иванович. – И только момента ждал, чтобы спросить. А Жорес все про Кроноса задвигает. Мы, говорит, смотрим, как Кронос ест своих детей, и считаем, что это естественный ход вещей. Ага, конечно. Бараны на мясокомбинате так же чувствуют, и по-своему правы. А вот древние пунийцы, которые в Карфагене

жили, мыслили по-другому. Они рассудили так – если Кронос кушает деток, значит, ему это нравится. И стали приносить ему в жертву натуральных детей. Своих.

– Тоже Жорес сказал? – нахмурился Иван.

– Это исторический факт. Под Карфагеном остались такие кладбища, тофеты. Там много принесенных в жертву детей. Это и на семейном уровне было, и на государственном.

– А какие-нибудь исторические свидетельства остались?

– Куча. Жорес мне несколько цитат зачитал. Одну, из Диодора Сицилийского, я потом сам нашел. В Карфагене стояла бронзовая статуя Кроноса. Он держал перед собой руки ладонями вверх, лодочкой, как мы бы сказали, но оставался зазор. Под ладонями был огонь. Кроносу в руки клали детей, и они через этот зазор скатывались в пламя...

– Жуть какая, – вздохнул Иван.

– Дети – это самое дорогое, что есть у родителей. А богу надлежит отдавать самое ценное, про это даже в Библии есть. И про детские жертвоприношения там тоже, кстати... Я спрашиваю – но зачем, зачем? Тут Жорес на меня уставился и спрашивает – что такое дети? Скажи мне. Я подумал и говорю – цветы жизни? Он засмеялся. Нет, говорит. Не только. Это концентрат времени. Сгущенное время, так сказать. Время, свернутое в пружину. Когда ребенок растет, становится взрослым, а потом стареет и умирает, пружина раскручивается. Время расходуется. Смерть – это когда оно кончилось. Кронос ест детей просто потому, что питается временем. Это его еда. И древние пунийцы стали кормить его самыми вкусными и свежими булками, какие могли найти.

– Мрачнюк, – сказал Валентин.

– Да, – кивнул Акинфий Иванович. – Мне тоже тревожно стало. Представляете, сидишь в палатке с малознакомым человеком, а он такие темы задвигает.

– Он про Карфаген рассказывал?

– Угу. Главная мысль была такая – карфагеняне в религиозных вопросах очень нагло себя вели. Приставали со своими дарами к богу, который хотел оставаться в тени и за кулисами. Это, говорит, как стрелять из нагана под окном у порохового фабриканта. Приносить в жертву патроны, чтобы он бросил вниз пирожное. Вы этого фабриканта или рассмешите, или утомите своей глупостью. Можете, конечно, и растрогать до слез – и получите пирожное. А можете разбудить в плохом настроении. Все варианты возможны.

– А какой получился у карфагенян?

– Вот тут не до конца понятно. С одной стороны, им долго везло, и по-крупному. Они ведь старше Рима были. Со всеми воевали, кто тогда жил, и даже этот самый Рим пару раз сильно наклонили. А потом везуха кончилась. Может, что-то в ритуалах напутали, может, Кроносу надоело. Но до этого метод работал. И не только у них. Всю древность. Не с карфагенян это началось и не ими кончилось. Жорес так сказал – вот если есть какой-то замаскированный бог, которому человеческие жертвы приносят, то это он и есть. Наш Двурогий Баал. А называть и рисовать его могут как угодно. Хоть Кронос с серпом, хоть пролетарский интернационализм с молотом.

– Можно, наверное, и так историю увидеть, – сказал Тимофей.

– Да ты попробуй по-другому, мил человек. И что у тебя получится? Вот был один латиноамериканец, который говорил, что сюжетов всего четыре. Я уже не помню, что там у него – какие-то герои, крепости, путешествия. А по-моему, сюжетов всего два. Первый – как человека убивают из-за денег. Второй – как человека приносят в жертву.

Андрон засмеялся.

– Ага, – сказал он. – Подтверждаю. Я лично ничего другого вокруг не вижу.

– Как всего два, – сказал Иван. – А вот, например, производственный роман?

– Это как человека убивают из-за денег, – ответил Андрон. – Только медленно. Сюда же все детективы и триллеры. И семейные хроники, ага.

– А русская классика? Толстой? Чехов? Салтыков-Щедрин?

Андрон немного подумал.

– Это второй сюжет. Всякие Моби Дики тоже. Вся советская литература. И даже книги про воспитание.

– А там-то кому жертву приносят? – спросил Иван.

– Всяким идеям и учениям, – сказал Андрон. – Передовым веяниям и реакционным взглядам. Тому, что в воздухе носится. Ну или просто заскокам психики.

– А, ну если так, конечно. Любой сюжет можно под эти два подвести. И любую жизнь тоже. Ну а почему тогда философы про это не говорят? Или хотя бы критики?

– Так они все в доле, – ухмыльнулся Акинфий Иванович. – Им как раз за то и платят, чтобы они в этих двух историях находили бесконечное разнообразие и свежесть. А на самом деле оба сюжета можно даже объединить в один.

– Ладно, – сказал Тимофей, – а дальше что произошло? В смысле, у вас с Жоресом?

– Дальше самое неприятное случилось, – сказал Акинфий Иванович. – Даже рассказывать не хочется. Потому что конец у рассказа не очень хороший. Давайте завтра.

***

С утра опять сгустился туман, но не такой плотный, как днем раньше. Дождя не было. Акинфий Иванович сказал, что они прошли петлей и теперь возвращаются к базе.

– Через две ночи будем над ней. Оттуда спустимся за полдня. Можно даже быстрее, я на велосипеде за пару часов доезжаю. Вниз по дороге педали крутить не надо.

– Мы самое красивое уже видели? – спросил Тимофей.

– Нет, – засмеялся Акинфий Иванович. – Самое красивое я на потом оставил. Еще два дня у вас, наслаждайтесь.

Он бодро убежал в туман, и скоро оттуда полетели его немзыкальные вопли на французском. Друзья отстали, обсуждая, чем заняться после трека – тормознуть на пару дней в Нальчике или сразу в Москву.

– В Нальчике чего делать? – спросил Андрон. – Азия, как говорил поручик Ржевский. Только в рояль насрать или на дуэли с кем-нибудь стреляться.

– А че, – ответил Тимофей, – можно организовать. Насрешь в рояль кому-нибудь с большим кинжалом, тебя и застрелят. А мы рядом постоим. Как секунденты.

– Лермонтова, кстати, убили именно за хохмы про большой кинжал, – сказал Валентин. – Принесли в жертву идеям офицерской чести, как сказал бы наш гид. Правда, не в Нальчике. А где-то в Минводах.

– Одним словом, здесь где-то, – ответил Тимофей. – Кстати, если они действительно из-за кинжала поругались, почему стрелялись? Логичнее было бы на кинжалах и решить. По французскому методу: левые руки связать шарфом, в правую инструмент, и вперед.

– Вот правда, – кивнул Валентин. – Куда лермонтоведение смотрит... А где Акинфий?

Акинфия Ивановича больше не было слышно. Друзья пошли быстрее. Тропинка растворялась в подступающем все ближе тумане, становилось холодно, и скоро все ощутили тревогу. Наконец издалека прилетело громкое фальшивое пение:

– Силижур а-а! Силикон ритьон!³

– Акинфий Иванович! Подождите!

Голос Акинфия Ивановича ответил:

– Эй, малята, не отставайте! Тут развилка! Потеряетесь!

---

³ вероятно, Акинфий Иванович поет песню Louane «Jour 1»: «C'est le jour 1, celui qu'on retient» – «День 1, тот, что мы запомним».

– Пошли быстрее, – сказал Тимофей.

Скоро из тумана выплыла развилка. Тропинку рассекал надвое здоровый остроугольный камень, чем-то напоминавший Валентину нью-йоркский небоскреб «Утюг». На камне восседал Акинфий Иванович – было непонятно, как он забрался на него без стремянки.

– Ну чего, – спросил он, – куда пойдем, направо или налево? Оба маршрута годятся.

– А в чем разница? – спросил Тимофей.

Акинфий Иванович усмехнулся.

– Кто ж его знает, в чем. Жизнь непредсказуема.

– Где виды лучше?

– Я бы сказал, одинаково.

– А где идти легче? – спросил Андрон.

– То же самое.

– Вы, Акинфий Иванович, прямо как вещий ворон, которому врать надоело, – сказал Иван. – Налево фигня, направо та же фигня. Вы всем тут выбор предлагаете?

– Нет, – ответил Акинфий Иванович. – Не всем. Иногда сам выбираю. Вас решил спросить. Решайте. Направо или налево.

– Наше дело правое, – сказал Тимофей.

– А наше как раз левое, – отозвался Валентин. – Андрон?

– Левая сторона в древности считалась нечистой. Пошли направо.

– А я левша, между прочим, – сказал Иван. – Мне такое даже слышать обидно. Налево.

– Так, – констатировал Акинфий Иванович. – Голоса разделились. Как будем решать?

– А вы сами куда предпочитаете?

– Мне фифти-фифти, – сказал Акинфий Иванович. – Что в сумме дает один хрен. Так что выбирайте, пожалуйста, сами.

Решили кинуть монету – и десять рублей указали дорогу влево.

– Я же говорил, – засмеялся Валентин.

Акинфий Иванович слез с камня.

– Пошли.

Остаток дороги молчали.

Следующий кош выглядел почти обитаемым. Из стены торчал крюк, где опять висели бычьи ребра с мясом, но теперь мясо оказалось очень свежим. На плитке стоял чайник – подняв крышку, Валентин увидел внутри несколько веточек с толстыми разварившимися листьями. Еще в коше пахло не выветрившимся до конца табаком, а на полу лежало два раздавленных окурка. Люди были здесь совсем недавно.

После ужина Акинфий Иванович засобирался спать – и друзьям стоило некоторого труда уговорить его продолжить историю.

– Про рога на скале, – напомнил Валентин.

– Ну ладно...

Акинфий Иванович откинул серебряные волосы со лба и несколько секунд глядел в пол, словно заряжаясь решимостью. Видно было, что вспоминает он что-то мучительное.

– В общем, – сказал он, – послушал я эти рассказы про Карфаген, а потом улучил момент и главный вопрос задал. А именно – зачем тут эти рога в скале высечены? Что ты такое задумал, говорю, жертву приносить? Ага, отвечает Жорес, именно.

– Что, детей? – спросил Тимофей.

– Вот я тоже поинтересовался. Он засмеялся, ладошкой махнул – не бойся, Иакинф. Не детей. Во всяком случае, не человеческих. Читал бы Библию, знал бы, что детей еще в древности заменили на агнцев. Маленьких таких ягнят. Это ведь тоже концентрат времени. Только их много надо, потому что живут они недолго. Я спрашиваю, а Кронос как к этому относится? Он плечами пожал – ты, говорит, водку пьешь, а ведь не задумываешься, из чего

Советская власть ее гонит. Я думаю, и Кроносу такие вопросы не особо важны. Ну, у меня отлегло немного. Я спрашиваю – а зачем это? Какая конечная цель?

– Деньжат выпросить, – сказал Иван.

– Да нет, – усмехнулся Акинфий. – У него с этим вопросом порядок был. И со всеми другими тоже. Я же говорил, в каком он доме жил. Нет, тут другой интерес был. Он меня спрашивает – тебе что, все знать обязательно? Я говорю, если какая-то помощь нужна, то да. Надо же понимать, в чем участвую. Что на душу беру. Он отвечает – хорошо, разумно вопрос ставишь. Рад, что у экстрасенса душа нашлась. Сейчас объясню...

Акинфий Иванович покачал головой и замолчал. Когда молчание стало тягостным, Иван спросил:

– Что же он объяснил?

– Сказал, что власть Кроноса над живыми существами осуществляется через время. Каждому отмерен свой срок. Время – своего рода проклятье. Приговор к смерти. И одновременно благословение, потому что, кроме времени, у живых нет ничего вообще. По сути, они сделаны из времени. Отняли время – отняли все.

– Время – деньги, – сказал Андрон.

– В том числе, – кивнул Акинфий Иванович. – В культе Кроноса было несколько этажей – для профанов, адептов, посвященных и так далее. Жертвы приносили на всех этажах. Но смысл у жертвоприношений на каждом уровне был разный. Внизу просто просили бога о какой-нибудь малости – чтобы груз доплыл до места, такое в Карфагене чаще всего было, там все приторговывали. Или чтобы урожай взошел, судебное дело разрешилось и так далее. Серьезные жертвы приносили во время войн – но это тоже, в общем, тупой уровень. А вот на самом верху... Там суть вопроса понимали очень хорошо – и вступали с богом в неэквивалентный обмен.

– Что это такое?

– Когда дают больше, чем просят. Богу предлагали много чужого времени – и просили в обмен немного личного. Возвращали гораздо больше, чем просили. Это делали по особому древнему ритуалу, и бог на него отзывался. В самом центре культа Баала стояла группа людей, которые давно такой обмен наладили. Они фактически приобрели бессмертие и жили с незапамятных времен. Их называли *темными бессмертными*...

Эти слова Акинфий Иванович опять произнес с густым кавказским акцентом, чтобы выделить их грозный смысл. Но получилось неожиданно смешно.

– Томные безмерные? – повторил Тимофей, и друзья захихикали.

– Темные. Темные бессмертные, – отчетливо повторил Акинфий Иванович.

– С незапамятных времен – это сколько лет?

– Столько, сколько стоял Карфаген, – ответил Акинфий Иванович. – И даже раньше. Намного раньше.

– Это Жорес говорил? А он откуда знал?

Акинфий Иванович обвел слушателей глазами.

– Жорес этот, – сказал он, – был одним из них.

– Он что, сам признался?

– Я сразу понял, как про них услышал. Прямо холодом повеяло. И ясно стало, откуда он про древний мир столько знает.

– А как он на Кавказе оказался?

– Когда римляне разрушили Карфаген, они убили темных бессмертных. Искали их всюду. Типа как Ганнибала.

– А что, бессмертных можно убить?

– Конечно, – ответил Акинфий Иванович. – Бессмертный в человеческом теле – это как бутылка со временем. Если аккуратно подливать в нее время, бутылка будет сохраняться. А

если ее разбить, время сразу вытечет. Но римляне убили не всех. Многие скрылись заранее и уехали в глушь. Некоторые поселились на Кавказе у этой горы. Они решили, что это тайный знак, посланный им Баалом. Здесь им удалось возобновить контакт со своим богом. Но храмов они уже не строили. И статуй не ставили – если не считать этих рогов на скале. Вообще не привлекали к себе внимания, с умом пользовались своей великой силой, грамотно смешивались с волнами переселений и так далее. И этот Жорес был из них самым последним. Он до сих пор приносил Баалу жертвы по старому ритуалу, только заменил человеческую молодежь на ягнят. Так он сказал, во всяком случае.

– А бог согласился?

– Видимо да, – ответил Акинфий Иванович. – Раз он эти жертвы принимал и продлевал Жоресу жизнь, значит, Жорес был ему зачем-то нужен... Я, кстати, по ходу и выяснил, почему его Жоресом звали.

– Да, – сказал Валентин, – почему? Это ведь не особо древнее имя.

– Имена для таких людей как перчатки. Его настоящее имя было другим, просто звучало похоже на «Жорес». «Джируз», или что-то вроде.

– Он вам его назвал?

Акинфий Иванович усмехнулся.

– Не мне...

– А кому?

– Слушайте дальше, малята. В общем, я ему говорю – вы, Жорес, как я вижу, человек не просто продвинутый, а продвинутый до самого упора. Может, уже и не человек вообще. Зачем вам приبلудный московский экстрасенс? Какая от него польза? А он отвечает – видишь ли, Иакинф, в отношениях с людьми помочь ты мне не можешь. Но в отношениях с богами есть свой ритуал и свой этикет. И дело тут не в продвинутости, а в благоговении и почтительности, потому что для богов между людьми разницы особой нет – все черви...

– Про рога когда расскажете? – напомнил Валентин.

– Вот как раз и подошли, – ответил Акинфий Иванович. – Как ты думаешь, спрашивает Жорес, зачем тут вырубili на скале рога? Затем, чтобы бог узнал форму горы и узнал рога статуи, которые находятся там же, где были у древнего памятного изваяния. Бог считывает сложный геометрический рисунок и понимает, что обращаются к нему те самые лица, что и две с половиной тысячи лет назад, или раньше. С другими, может, он и говорить не станет. Или будет, но совсем по-другому. Хорошо, отвечаю, это понятно – но я-то вам зачем? А затем, говорит, что к божеству всегда обращались по определенному ритуалу. И это так же важно, как форма горы и рога на нужном месте. Бога вызывал специальный герольд, наделенный, как у вас выражаются, психическими сверхспособностями. Он указывал богу на жертвователя и жертву. И только потом сам жертвователь решался предстать перед богом... Я спрашиваю, а где ваши ягнята? Он рукой махнул – мол, не твоё дело. Ягнят в другом месте сожгут. На мясокомбинате. По документам проведут как инфицированных. Там все готово. Главное, чтобы Двурогий понял, что подарок от меня. Для этого ты должен к нему обратиться...

– Что-то он крутил, – сказал Тимофей. – Неубедительно как-то... Неправдоподобно и замысловато.

– Вот и мне тоже так показалось, – ответил Акинфий Иванович. – Я прямо кожей ощутил, что тут какой-то подвох. Слушай, говорю, Жорес, а под статью ты меня не подведешь, случайно? Он засмеялся даже. Да успокойся, отвечает. Тебе только и надо, что сказать перед костром несколько слов. Объявить на древнем языке – мол, прибыл гонец из Пизы. Дальше буду общаться я сам, а ты помалкивай. Но почему именно я, спрашиваю. Да потому что у тебя способности, говорит. Ты духов чувствуешь. Сквозь тебя моя просьба пройдет. Я как услышал по радио, каким ты голосом Ардуха призываешь, сразу понял, что ты мне и нужен, Иакинф... А сам еле ухмылку прячет.

– Вы согласились? – спросил Иван.

Акинфий Иванович кивнул.

– А что делать было? Мы же там не вдвоем отдыхали. Там джигиты его в соседних палатках были. Что будет, если откажусь, непонятно. С другой стороны, просил он меня, в общем, о малости. Что-то там такое возгласить у костра за серьезные бабки. Позвать какого-то бога. Да я их каждый день звал за копейки, как пылесос. Какие проблемы?

– А не страшно было?

– Чего?

– Что бог услышит и...

– Нет. Страшно было, что джигиты зарежут, если не так себя поведу. И прямо на месте прикопают. Я только к этому моменту соображать начал, что никто, собственно, не знает, куда я из Нальчика уехал. Да и кто вообще меня хватится? Мало ли в России бродячих экстрасенсов...

Акинфий Иванович зевнул, закрыл глаза и надолго замолчал. Валентин подумал, что тот уснул.

– А дальше?

Акинфий Иванович встрепенулся.

– Выходим мы, значит, из палатки. А там уже почти светло. Костер как горел, так и горит – джигиты всю ночь дрова подкидывали. Жорес говорит, встань вот здесь, спиной к костру. Сосредоточься и читай, пока бог не ответит. И дает клочок бумаги. На нем несколько слов русскими буквами. Я и начал читать. Он пару раз произношение поправил, а потом отошел в сторону и сел на камень.

– А что за слова?

– Я их не понимал, конечно. Только имя узнал – «Джируз» – и еще два слова – «ханни бааль». Милость Баала, он меня уже на этот счет просветил. Он сказал, протяжнее читай, не спеши. Читаю минуту, пять – ничего. Десять минут – ничего. Я на него краешком глаза гляжу, а он мне так рукой машет, читай-читай, не отвлекайся. Ну, я и читаю, а сам так думаю с усмешечкой: Ганнибал-Ганнибал, всех на свете... И неприличная рифма в голову лезет.

– Ганнибал Лектор, – сказал Тимофей. – Теперь я вашу шуточку понял. Что вы не лектор, а просто Ганнибал. Это имя, кстати, меня всегда прикалывало. Типа сначала воевал чувак, а потом лекции читал в академии Генштаба.

– Фильма этого я тогда не видел, – ответил Акинфий Иванович, – таких ассоциаций не было. Думал про Ганнибала-полководца. Даже портрет его вспомнил – в школе репродукция висела в кабинете истории. Молодой бородатый парень... А потом я заметил, что слова понемногу действуют.

– Как?

– А так, что я эту скалу с рогами уже совсем по-другому видеть стал. В ней угроза появилась. И мощь. Я догадывался, конечно, что сам себя завожу, но поделать ничего не мог. Потом страшно стало. А что, если и правда какой-нибудь бог явится? Что делать буду? И тогда...

Акинфий Иванович помотал головой из стороны в сторону – словно бы сомневаясь в собственном воспоминании.

– Тогда он и явился.

Акинфий Иванович сказал это без всякого драматизма, но в коше стало тихо. Вдруг сделались различимы странные звуки за стенами – ночные сигналы насекомых, далекие крики птиц. Ночь, в сущности, вовсе не была уютной и нежной. Это ощутили все.

– Что, древний бог? – спросил Иван.

Акинфий Иванович кивнул.

– Он что, перед вами из скалы вышел?

– Нет. Началось с самых обычных мыслей. Сперва у меня в голове словно щелкнуло, и я понял, что Ганнибал носил шлем с двумя рогами, чтобы походить на своего бога. А до этого такую же каску носил Александр Филиппович Македонский. «Джентльмены удачи» смотрели?

– В детстве, – ответил Тимофей. – Каску помню, да.

– А почему он ее надел? – спросил Акинфий Иванович. – Потому что был человек понимающий и знал, кто дает удачу и за что. Его не зря называли «Александр Двурогий». Почти как Баала с карфагенской горы. В те времена все серьезные пацаны были в теме – вот только Александру времени не добавили, а наоборот. Наверное, в чем-то ошибся. Или самого в жертву принесли... Я так еще важно это помыслил, будто сам в теме был. И тут я его и увидел.

– Баала?

– Его. Он, правда, не представился. Но выглядело серьезно. Словно бы такой... воин в доспехах из света. Наверное, я потому это подумал, что вспоминал про Ганнибала и Александра. Но особых подробностей я не разобрал – свет был такой ослепительный, что поначалу я не мог нормально смотреть. Вот как если бы из солнца вырезать фигурку – смогли бы вы ее разглядывать? Различил только два рога, завернутых вниз – из них самый яркий свет и бил. Вернее, не из рогов свет, а сами рога из света. Понимаете?

– Как-то не очень.

– Ох, как бы вам объяснить... Если вы в игры всякие играете – представьте, что такой супермен, у которого на голове два реактивных двигателя, и они его держат в воздухе. Его изображали двурогим, но это на самом деле не рога, просто древнему человеку такое сравнить было не с чем, кроме как с бараном. Но это и не двигатели, конечно. Сравнение не лучше. Скорее воронки из света... Вихри...

– А другие его тоже видели? – спросил Тимофей. – Джигиты эти?

– Не думаю. Это был... Сон наяву, что ли. Но до того отчетливый, что я даже скалу эту видеть перестал.

– Слепли?

– Нет. Просто этот двурогий и сияющий все мое внимание захватил. Но при этом он не то чтобы болтался передо мной в воздухе. Нет, он оставался в каком-то своем мире. Совсем ином. Я только после этого допер, как такое бывает – кому-то явление Божьей матери в небе, а никто рядом ее не видит. Потому что Богоматерь не в небе появляется, а в уме. Понятно?

– Понятно. А Жорес заметил?

– Что-то он почувствовал, потому что от костра быстро так отошел и глаза ладошкой прикрыл. Но видел ли он то же самое, сказать не могу... А потом бог со мной заговорил.

– На каком языке?

– Вообще не словами. Меня как будто к компьютеру подключили – я за секунду очень много нового узнал... Причем не так, как бывает, когда один человек другому что-то объясняет и тот постепенно врубается. Нет. Как будто меня впустили в такое пространство, где все эти вещи...

Акинфий Иванович замялся, подыскивая выражение.

– Висят в воздухе, – подсказал Валентин.

– Ну примерно. Их не по одной понимаешь, а сразу вместе. Не зная их, с богом общаться просто нельзя. Словно мне мозги прокачали перед аудиенцией. Чтобы я хоть примерно понимать начал, куда голову просунул.

– И что вам закачали?

– Целую новую картину мироздания. Как все устроено между богами и людьми.

– Расскажите.

Акинфий Иванович поглядел на часы.

– Завтра. Последний день будет, отдохните как следует. Вы же не байки из склепа слушать приехали, а видами любоваться. Давайте спать.

***

Последний полный день трека оказался самым приятным и расслабленным. Было прохладно, в меру пасмурно – клочья тумана не скрывали гор, а как бы показывали их в другой рамке. Тропа почти все время шла вниз, и шагать по ней было легко и весело. Из дальнего мира долетали зовы быков и запахи сильной и дикой природы.

По краям тропинки проплыло несколько могучих конопляных кустов – и друзья с улыбкой переглянулись. Но собирать урожай, конечно, никто не стал. Как выяснил в первый же день Иван, при желании все можно было купить у местных.

Заблудиться теперь было трудно. Акинфий Иванович шел далеко впереди, распевая что-то на своем диком французском. Друзья, сбившись вместе, обсуждали планы – на завтра и послезавтра. Потом разговор перешел на вчерашний рассказ проводника.

– Я думаю, – сказал Тимофей, – у него такое шоу бедуинов. Как в Египте. Рассказывает одно и то же по секрету каждой группе. Все просчитано. От рогатого черепа в кабинете до цитаты из Шекспира.

– Вот не уверен, – ответил Андрон. – Ты же его сам раскрутить решил. Расспрашивать начал. Сам он вроде болтать особо не рвется. Всякий раз просить надо.

– Любой хороший рассказчик так делает, – сказал Тимофей. – Чтобы не думали, будто он свою историю навязывает.

– Можно сегодня не упрасивать. Посмотрим, что будет.

– Он просто рассказывать не станет, – сказал Иван. – Вот и все.

– Поглядим, – ответил Тимофей. – Ты хоть одному его слову веришь?

Иван пожал плечами.

– Верю, не верю, а интересно. Если и врет, красиво.

– Ну да, – сказал Андрон. – Художественно. И необычно для такой дыры.

– Угу, – согласился Тимофей. – Наверняка входит в стоимость тура.

Больше про Акинфия Ивановича и его сказку до конца дня не вспоминали. Все вдруг прониклись мыслью, что завтра возвращаться на базу, и старательно впитывали в себя горные красоты не только глазами, но и кожей.

Несколько раз останавливались отдохнуть – Акинфий Иванович выбирал для стоянок места с особо пронзительным видом. На одной из таких остановок Валентина накрыло сентиментальной волной. Он подошел к росшему на краю обрыва кусту, присел рядом и даже шмыгнул носом от прилива чувств.

– Что это, – спросил Андрон, разглядывая куст, – можжевельник?

Валентин точно не знал. Возможно, знал Акинфий Иванович – но он стоял поодаль и не слышал вопроса.

– Сорвать хочешь на память?

– Нет, – ответил Валентин. – Хочу им стать.

– Это как?

– А так. Живет можжевельниковый куст на краю бездны. Растет, гордо глядит в синюю даль... И никуда ему не надо ехать в десять утра. Было стихотворение про то, как умирает японец, мечтая возродиться сосной где-то там... над обрывом.

– Купи квартиру в «Москва-Сити» на сороковом этаже, – ответил Андрон. – И гляди себе в бездну, пока жопа не треснет.

– Там никакой бездны нет.

– В «Москва-Сити» как раз очень конкретная бездна со всех сторон. Но здесь нюансы понимать надо. Не всякий увидит...

Валентин все-таки оторвал небольшую зеленую лапку от куста, но потом, подумав, бросил ее в пропасть.

Шли в этот день дольше обычного – и до конечной точки добрались уже в полной темноте.

Это было такое же пустое пространство между скалами, как в прошлые дни – но коша здесь не оказалось. Зато на плоскую площадку вели как бы каменные ворота из двух здоровенных глыб. Это было красиво.

– Где спать будем? – спросил Тимофей.

– Зачем палатки с собой брали? – ответил Акинфий Иванович. – Вот в палатках и будем. Разбивайте...

Друзья испытали противоречивые чувства – с одной стороны, после утомительной прогулки совершенно не хотелось что-то делать. С другой, приятно было, что все эти дни таскали на себе палатки не зря. Второе чувство перевешивало.

Пока разбивали палатки, Акинфий Иванович собрал укладку для костра – дрова были припасены прямо здесь, в нише заросшей кустами скалы. В центре поляны чернел выгоревший круг от прежних костров. Видимо, это действительно был типовой маршрут, и все необходимое ждало на трассе.

– Шоу бедуинов, – тихо повторил Тимофей, и Андрон засмеялся.

Когда палатки были готовы, Акинфий Иванович уже разжег огонь. Друзья сели вокруг – и несколько минут блаженно жмурились в тепле.

– Отличная идея, – сказал Тимофей. – Насчет костра. А то все время чего-то вечером не хватало.

– Сегодня можно посидеть подольше, – ответил Акинфий Иванович. – Нормально будет. Дров тут много.

Никто пока не просил Акинфия Ивановича продолжить рассказ – а сам он, похоже, совершенно к этому не стремился. Он как-то посерьезнел, замер – и глядел, не отрываясь, в огонь.

– О чем думаете? – спросил Тимофей.

Акинфий Иванович поднял лицо и взглядом проводил летящие к небу искры.

– Искры и звезды, – сказал он. – Почти одного размера. Когда глядишь снизу, кажется, что это примерно одно и то же. А разница между ними есть, и весьма значительная... Вот так же и мы. Глядим на мир из своей суеты, и не понимаем, где в нем искры, а где звезды.

– Это вы о чем? – спросил Андрон.

– Да так, – ответил Акинфий Иванович. – Просто.

Иван не выдержал.

– Вы вчера говорили, – сказал он, – что поняли что-то важное про богов и людей.

Акинфий Иванович наморщился, словно надеялся, что его уже не потревожат этой темой.

Валентин тоже не утерпел.

– Правда, – попросил он, – расскажите. Что вы конкретно тогда поняли? Можете объяснить?

Акинфий Иванович кивнул на костер.

– Смотрите, – сказал он. – Что вы видите?

– Огонь, – ответил Андрон.

– Не огонь, а огни. Разноцветные, быстро меняющиеся язычки пламени. Если долго глядеть в огонь, начинаешь видеть его духов. Они текучие и мимолетные. Живут почти на человеческом химическом принципе, только выгорают намного быстрее. Их жизнь коротка даже по людским меркам. Сколько виден один голубенький язычок огня, столько подобный дух и существует. Костер – это их Вавилон. Пока я про них говорил, у них несколько династий сменилось. Как вы думаете, может между нами, людьми, и этими крошечными огненными духами быть какой-то контакт?

– В каком смысле?

– Можем мы друг друга о чем-то просить?

Иван пожал плечами.

– Нет, наверное.

– Вот именно, – ответил Акинфий Иванович. – Не можем, потому что просто не успеем. Но связь между нами есть. Она в том, что мы, люди, разводим костер – то есть создаем условия, чтобы мелкие духи огня появились, прожили множество крохотных жизней и исчезли. Над остальным в их судьбе мы не властны.

– Мы можем погасить костер.

– Можем. Но это не значит, что мы обречем власть над его обитателями. Это значит, что духов огня с какого-то момента просто не будет.

– А есть такие духи, для которых мы как язычки огня? – спросил Иван мечтательно.

– Есть, – ответил Акинфий Иванович. – Например, древние духи света. Они совсем другие. Они практически вечные и существуют столько, сколько свет идет от самых первых звезд. Пока он летит сквозь пустоту, они живы. Их жизнь и есть это космическое расширение. Для нас их бытие непостижимо. Разве может между нами быть союз? Можем мы чем-то друг другу помочь? Нет, конечно, хотя подобные духи формируют причины и условия, чтобы появились люди. Разводят, так сказать, костер на поляне. Но над нашей жизнью они не то что не властны – они просто не успеют ее заметить, как мы не отследим язычок огня в костре. Поэтому молиться создателям этой вселенной бесполезно. Даже солнцу наше мельтешение уже не различить. Эхнатон Египетский, который ему поклонялся, этого не понимал.

Тимофей усмехнулся.

– А кому тогда...

Акинфий Иванович поднял палец, показывая, чтобы его не перебивали.

– Но есть духи пограничные, – продолжал он, – живущие между огнем и светом. Они не свет и не огонь, а нечто среднее. Живут дольше человека, но не намного – может быть, раз в десять или сто. Вот они и становятся нашими богами, потому что... Как бы это сказать...

– Сравнительный временной масштаб нашего бытия дает возможность осмысленного взаимодействия, – отчеканил Андрон.

– Вот именно. Мы для них не микробы, а скорее тараканы и мыши. Бессмертные они только для нас – а сами для себя вполне смертны. Когда они умирают, у людей отшелушиваются религии. Так вот, Кронос, или Баал, был среди этих полувечных божеств главным долгожителем. Но не потому, что мог управлять природой времени, как думал Жорес. На такое способны только высшие боги света. Кронос мог всего лишь манипулировать временем. Прибавлять и убавлять. Отсыпать из одного мешка и досыпать в другой. Поэтому те, кто ему поклонялся, приносили ему в дар время, спрессованное в живых существах. Силу сжатой пружины, так сказать. Это и был тот строительный материал, из которого Кронос творил свои чудеса. Как бы свернутая потенция. Кронос мог потом приложить ее к любому аспекту мироздания и использовать.

– А как... – начал Тимофей.

– Я не знаю как, – перебил Акинфий Иванович. – Говорю только о том, что мне было показано. Во-первых, я увидел все вот это про богов и людей. Разъяснили мышке про котиков. А потом я понял кое-что другое, и вот это мне уже понравилось меньше. Значительно меньше.

– Что именно?

– Я увидел, кого конкретно Жорес приносит в жертву. Не ягнят каких-то на мясокомбинате, это он врал. Жертвой был я. И объяснял он мне целую ночь про Кроноса и Баала вовсе не из просветительских соображений, а потому, что жертве всегда подробно рассказывали, что происходит, почему и как. Даже младенцам, которые слов еще толком не понимали, зачитывали специальный стих про доброго бога. Такая была неукоснительная традиция и условие

неэквивалентного обмена. И теперь Жорес ждал, когда Баал Двурогий станет огнем и сойдет на меня, чтобы забрать. Но я, объяснил мне бог, в качестве жертвы ему не нужен – я для него невкусный, потому что жить мне по моей судьбе осталось совсем ничего. То, что его побеспокоили ради такой жертвы, для него, бога, оскорбительно. И Жорес не в первый раз уже творит такую мерзость перед его лицом, поэтому... Тут он ко мне приблизился, и я подумал, что он меня сейчас все-таки сожжет. Но произошло нечто другое. Он надо мной как бы склонился – и прямо в меня шагнул... Вот как рыбак в лодку.

– Очень поэтично, – сказал Валентин.

– Нет, я не в поэтическом смысле. А в том, что я от этого его шага весь прямо ходуном заходил. А потом и вообще перевернулся.

– В каком смысле? С ног на голову?

– Нет, – ответил Акинфий Иванович. – Наоборот. С головы. А куда, не знаю. Не помню... Все, что я запомнил – это как мною пожар тушат.

– Это как? – спросил Тимофей.

– Ну вот буквально – как будто бы я стал огнетушителем, и из меня гасят огонь. Подносят куда-то, наклоняют и выпускают типа струю углекислоты. В точности такое ощущение. И под этой струей все трепещет и затихает. Даже приятно было. Истома появилась в теле. И усталость... Очень сильно устал, вымотался просто. Повалился на землю и решил, что все-таки принесли меня в жертву... И вырубился.

Акинфий Иванович опять надолго замолчал.

– А что дальше было? – спросил наконец Тимофей.

– А дальше... Дальше я оклемался.

– И...?

Акинфий Иванович оглядел своих слушателей с веселым отчаянием – словно решив выложить все до конца.

– Ну что, хотели знать, так слушайте, малята. Было часов одиннадцать утра. Костер почти догорел. В воздухе мясом горелым припахивало – я еще подумал, помню, что братва шашлыки жарит. Я лежал под кустом, метрах в тридцати от палатки Жореса. А Жорес... Жорес валялся мордой в костре. И уже совсем почти прогорел. До кости. Тогда-то я и понял, что за шашлычок тут пережарился... Я его оттащил за ноги, решил сперва, что он по пьяни так упал. А потом вижу – у него череп расколот. Пошел я братву будить. А как до палаток дошел, увидел, что никого уже не разбужу... Никого вообще.

– Что, – выдохнул кто-то, – они тоже...

– Тоже, – подтвердил Акинфий Иванович. – Все.

– Сгорели?

– Нет. Зарубили их. Вот, знаете, так выглядело, будто монгольская конница промчалась. Лежат на земле порубанные. Ран таких страшных я до того дня никогда не видел, даже в анатомичке. Прямо на части...

– Чем?

– Я сначала сам не понял. Стал искать. Нигде ничего не видно. А потом подхожу к тому кусту, где я в себя пришел, и вижу – топор лежит. Колун такой, но острый. Им братва полешки для костра рубила. Топорище в крови. И на руках у меня тоже кровь...

– Так это вы их?

– Не я! – вскричал Акинфий Иванович. – Не я, а бог, которого Жорес своей убогой жертвой унизил. Я ничего не запомнил даже. Бог в меня вошел и все моими руками сделал. Потревожить такую высокую сущность, чтобы предложить ей на обед московского экстрасенса, которому подышать скоро – это, я не знаю... Оскорбление величества. Кино было французское про кулинара Вателя, смотрели?

– Знаем, – ответил Тимофей. – Заколотся мужик. Не нашел хорошей рыбы для короля. Привезли с рынка какую-то дрянь, ну он и прыгнул на шпагу.

– Именно, – сказал Акинфий Иванович. – Сами подумайте. Там какой-то мимолетный Людовик Четырнадцатый без обеда остался, а тут – древний бог, которого специально разбудили, чтобы дерьмом покормить... Вот бог обидку и кинул, понять можно... В общем, стал я прикидывать, что мне теперь делать.

– В милицию позвонили?

Акинфий Иванович покачал головой.

– Тогда мобильных таких не было, чтобы в горах работали. И потом, что милиции сказать? Кучу народу топором зарубил, а как, не помню?

– Правду рассказали бы.

– Ага. Про двурогого бога Баала, кличка Сатурн, он же Кронос. Меня бы или в дурке сгноили, или чпокнули просто. Запытали бы в подвале, выясняя, в чем дело. Жорес этот серьезный человек был, наверняка много с кем дела вел – по дому видно. Не, мне с этой историей точно вылезать никуда не стоило.

– И что вы сделали?

– Решил валить оттуда побыстрее. Первым делом, как известный работник прокуратуры, вымыл руки. Всю воду на них вылил, какая в канистрах была. Оттер все пятна. Топор в костер кинул, там еще углей хватало. Справил, извиняюсь, нервную нужду в кустах – и вниз. Спустился с горы, выбрал на дорогу. Там меня через пару часов «уазик» подобрал. Сказал водиле, что турист, отбился от своих. Проехали половину дороги, я вылез, расплатился и другую попутку поймал, чтобы след от горы до гостиницы не оставить. Платил хорошо – денег у Жореса одолжил, когда уходил. Ему они все равно нужны больше не были... Уже к Нальчику подъезжаю и вдруг понимаю – мама родная! Я же паспорт на этой горе оставил. От волнения. Я, когда по большому делу в кустах присел, повесил сумочку свою на ветку и так призадумался, что взять ее уже забыл.

– Да, – сказал Андрон, – красиво.

– Делать нечего. Выпил для храбрости, нанял другой «уазик» и поехал назад. Вдруг никто еще не хватился. Ну а если мои документы там нашли, хана, конечно. Добрались до горы. Попросил водилу подождать, поднимаюсь вверх. А там...

– Что, – спросил Иван, – менты?

– Никого. Никого вообще. И ничего. Ни палаток, ни Жореса, ни даже следов, что здесь палатки стояли. Только пятно и зола от костра. В золе топор, в смысле железяка. Рукоятка сгорела. Значит, не приснилось мне. А в кустах, куда я погадить отходил, моя пидораска...

– Кто?

– Тогда барсетку так называли, сумочка маленькая, на руке носить. Висит, милая, на том же месте, а в ней паспорт, права и московские ключи. Я это все для безопасности с собой носил.

– А куда трупы делись? Палатки?

Акинфий Иванович пожал плечами.

– Я решил, что их нашли уже и увезли. Какие-нибудь кунаки, чтобы похоронить до заката. Мало ли, какие здесь порядки. А сумочку мою просто не заметили в кустах – кто же их прочесывать будет. Я тогда, если честно, от страха вообще про это не думал. Живой, и спасибо. Ухожу уже, глаза напоследок поднял на скалу, где рога эти высечены. И тут...

– Что?

– Опять его увидел...

Акинфий Иванович изобразил, как это было: уставился вперед и вверх, открыл рот и выпучил глаза. На его лице нарисовался очень убедительный страх – словно он действительно видел что-то в ночной темноте.

– Такого же светящегося?

– Нет. В этот раз была галлюцинация, короткая, но очень реальная. Будто меня в другое место перенесли. Я увидел каменную статую. Огромную. Наверное, ту самую, что стояла на горе в Карфагене. Раскрашенная, пестрая и вся убранный цветами. Гирляндами прямо. Лицо у бога было розовое, с черной бородой, молодое и веселое. А рога золотые – и сияли на солнце. Даже похоже немного на те лучи, которые я видел. И еще я услышал словно бы шум огромной толпы, и запах каких-то благовоний, густой и сильный... Но больше всего меня поразило небо. Оно было... Другое. Не знаю, как объяснить – вроде и цвет тот же, и облака. Но это было другое небо, древнее. Как будто я видел юность человеческого мира, когда у людей впереди было еще много-много времени и разных нехоженных тропок. Невыразимо. А потом я понял, что бог опять со мной говорит. Сказал он примерно так: «Постигни мое величие и вернись с почтением и страхом. Тогда будешь у моей груди, как прежде Джируз... И продлю твои дни, Иакинф».

– Прямо по-русски?

– Вот не знаю. Не берусь сказать. Но запомнил я по-русски, конечно.

– А дальше что было?

– Дальше я пидораску подхватил – и вниз, к «уазику». Опять для верности на окраине Нальчика вылез, потом на такси. В гостинице мне никаких вопросов не задали, решили, наверное, что загулял. От меня действительно винцом припахивало – я по дороге накатило от нервов. А на следующий день уехал в Москву. Ко мне какие вопросы? Меня там никто не знал, никто и не хватился. Жорес на это и рассчитывал. Экстрасенс приехал, экстрасенс уехал...

– В газетах было про это? В новостях?

Акинфий Иванович отрицательно помотал головой.

– Вот ничего не было. Ни в центральных новостях, ни даже в местных. Я знал, что этот Жорес в Нальчике был большим человеком – а у таких всегда враги есть, тоже немереной крутизны. Вот на кого-то из них, наверное, и подумали. Решили не шуметь – жмуров по-быстрому убрали, и все. Барсетку мою в кустах найти можно было, только если знать точно, где искать. Я с этими людьми удачно разминутся – на час или около. Там постоянно машины проезжали, но я их уже не особо помнил. Меня это не слишком удивило – тогда на Кавказе буча только начиналась, но в воздухе ее уже чувствовали. Все вели себя тихо. И не такие люди пропадали...

– Так вам убийство с рук сошло? – тихо спросил Тимофей.

– Я же объяснил, что никого не убивал, – ответил Акинфий Иванович. – Это бог сделал. Он просто моим телом воспользовался. Жорес меня в жертву предложил, а бог вместо этого его самого забрал. Вместе со всей командой. Джигиты молодые были – видно, подошли.

– Совесть потом не мучила?

– Нет, – ответил Акинфий Иванович. – Чего она мучить будет, если я даже не помнил ничего? У меня ни причины, ни намерения кого-то убивать не было. Я бы с такой оравой и не сладил – что я, мастер боевых искусств? Вины моей тут не было точно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.